

АЛЕКС РУДИН

ЕГЕРЬ

НАЗАД В СССР

1

Алекс Рудин

Егерь: Назад в СССР

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69844069

SelfPub; 2023

Аннотация

Судьба подарила мне второй шанс – прожить жизнь в любимой, хоть и давно исчезнувшей стране. Я сделаю всё, чтобы эта жизнь не была напрасной... А ещё исполню свою детскую мечту.

Содержание

Часть 1: Здравствуй, Союз!	4
Глава 2	19
Глава 3	35
Глава 4	49
Глава 5	63
Глава 6	74
Глава 7	88
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Алекс Рудин

Егерь: Назад в СССР

Часть 1: Здравствуй, Союз!

Глава 1

– Как самочувствие, Сергей Иванович? – спросила медсестра, приветливо глядя на меня. Перед ней на подставке стоял смартфон, через который она всё дежурство напролёт смотрела сериалы. Сейчас, судя по репликам из динамика, Ира пересматривала «Ликвидацию».

Хороший сериал, сам два раза его смотрел с удовольствием.

– Ничего, нормально, – ответил я.

Я надеялся, что Ира просто запишет меня в журнал, даст расписаться и отпустит с богом.

– Давайте, всё же, давление померяем, – сказала Ира. – Хоть вы у нас богатырь, но за здоровьем следить надо!

Она улыбнулась.

Я улыбнулся в ответ. Ох, Ира! Будь я чуть помоложе...

А мне через полгода шестьдесят два стукнет.

Сел на стул и привычно натянул на левую руку манжету тонометра. К среднему пальцу другой руки прицепил датчик

частоты пульса.

Ира нажала кнопку на клавиатуре. Подсоединённый к компьютеру аппарат загудел, накачивая воздух. Манжета плотно обхватила плечо.

Я несколько раз глубоко вдохнул и затаил дыхание. Постарался расслабить всё тело.

– Что деньги, Сёма? – резко спросил в Ирочкином смартфоне Давид Гоцман.

И сам себе ответил:

– Деньги – мусор! Тебе «вышак» маячит!

Насчёт денег я был согласен с Гоцманом. Вот только попробуй, проживи в наше паскудное время без этого мусора. На пенсию, которой периодически грозил мне начальник отдела эксплуатации, останется только тихо сдохнуть с голоду.

Пока выручало то, что никто из молодых водителей не горел желанием работать по ночам, в дождь и в снегопад. А я работал и не жаловался. Загонял пришедшие с линии троллейбусы в мойку. Потом на смотровую канаву, или на ремонтную. И снова расставлял на площадке для утреннего выпуска.

Еженощная производственная карусель. Сто машин в парке. Три водителя-перегонщика. По тридцать с небольшим машин на каждого. Не сахар.

Но рано или поздно начальство кого-нибудь найдёт на моё место.

Манжета зашипела, выпуская воздух.

– Давление нормальное, – сказала Ира. – А вот пульс высоковат. Вы таблетки сегодня принимали?

Принимал, а как же. И от давления, и для снижения пульса. Я их каждый день принимаю. А куда денешься?

– Наверное, быстро шли от остановки, – убеждённо сказала Ирочка. – Вы посидите минут пять, а потом снова перемеряем.

Хорошая она девка, добрая. Ну, как девка? Тоже за сорок ей уже. Дети почти взрослые.

Из приоткрытого окна тянуло сырым весенним холодом. Люблю весну.

Я сидел, равномерно вдыхая и выдыхая холодный воздух. Старался успокоить пульс. Гоцман в смартфоне колот Сеньку Шалого, как грецкий орех. Быстро и безжалостно.

– Положите руку с датчиком на плечо, – сказала Ирочка, снова включая аппарат.

Ну да, маленькая хитрость. Кровь отливает от пальцев, и пульс становится реже.

Аппарат снова загудел. В этот раз манжета так сдавила плечо, что рука онемела. Кровь равномерно постукивала в кончике пальца.

Ирочка бросила быстрый взгляд на монитор.

– Ну вот, другое дело!

Придвинула к себе мой наряд и поставила заветный штамп. Допуск на работу.

Я с треском оторвал липучку, снял с руки манжету и ак-

куратно положил на стол.

В вытертой полировке отражалось приоткрытое окно.

Конец апреля. Скоро и черёмуха зацветёт. Надо будет не забыть – принести Ире пару веточек.

– Хорошей работы, Сергей Иванович! – кивнула Ира и снова загляделась в смартфон.

– Спасибо, Ира! И тебе хорошего дежурства!

Я загнал троллейбус на смотровую канаву. Медленно, по чуть-чуть двигая двенадцатитонную машину, поставил задний мост над домкратами.

– Стой! – крикнул из канавы слесарь Дима. – Ручник!

Я поставил троллейбус на стояночный тормоз. Внизу, в канаве зашумели домкраты, приподнимая заднюю часть кузова.

Отключил управление и вылез из кабины. Дима уже взялся за электрический гайковёрт – откручивал гайки правого колеса.

– Ты один сегодня? – спросил я его. – А Мишка где?

Дима зло мотнул головой.

– Спит в раздевалке!

– Опять выпил, что ли?

Дима не ответил, насаживая головку на очередную гайку.

– Давай, баллон придержу, – предложил я.

Надел рабочие перчатки и упёрся двумя руками в упругую резину.

Дима открутил последнюю гайку. Оттащил гайковёрт в сторону и взялся за монтировку. Поддел ей колесо.

Я упёрся крепче, чтобы не дать тяжёлому колесу спрыгнуть со шпилек. Потом не поймаем!

В сердце вдруг слабо кольнуло. И почти сразу ещё раз, уже сильнее. Руки и ноги мгновенно ослабели, сделались ватными. По спине, под курткой прошла жаркая волна.

Я навалился на колесо. Только бы не упало на Диму! Придавит парня – не прощу себе.

Прижал всем весом непослушный тяжёлый диск из резины и металла. И уже ничего не соображая – всё-таки удержал!

– Иваныч, отпускаяй – держу! – словно сквозь холодную воду я услышал голос Димы.

Руки согнулись. Язык распух и не помещался в рот.

Я ткнулся головой в резину и сполз на край смотровой канавы.

В памяти вдруг возникло лесное озеро. Сплетённый из ивовых веток шалаш, в котором мы с отцом караулили первых весенних уток. Едкий дым отцовского «Беломора». Бледно-алое зарево заката. Холодная сталь ружейного ствола в ладонях. И чёрные резные силуэты птиц на тихой воде.

– Никогда не бей сидящую птицу, – сказал отец. – Только влёт. Иначе другого охотника зацепить можешь.

А ведь я любил охоту. До щенячьего восторга, до радостной дрожи в руках.

Это потом не до неё стало. Когда в лихие девяностые приходилось выживать от копейки до копейки. Тогда и ружья отцовские продал, и всё забыл.

А сейчас вот вспомнил.

– Иваныч! – ещё раз услышал я.

Голос прозвучал очень тихо, словно издалека.

На душе стало легко и спокойно. В глазах потемнело.

– Эй, егерь! Ты чего?

Встревоженный мужской голос заставил меня очнуться.

– Сильно расшибся? Погоди!

Я услышал, как что-то громко хлопнуло с металлическим лязгом. Меня повело в сторону. Стенка, на которую я опирался, резко ушла из-под плеча. Я завалился набок, но чьи-то руки поймали меня и потащили.

– Ты живой? Держаться же надо!

Голос словно оправдывался.

Мои ноги тяжело стукнули по чему-то плоскому, железному. А потом я почувствовал, что лежу на спине, и сквозь закрытые веки пробивается яркое солнце.

В голове звенело, сильно болел лоб. В затылке тоже пульсировала боль.

Я повернул голову и открыл глаза.

На обочине просёлочной дороги стоял бортовой «ЗИЛ-130» с распахнутой пассажирской дверью. Возле кабины суетился небритый мужичок лет сорока в измазанной

мазутом спецовке.

Водитель?

Он старательно поливал грязную тряпку водой из стеклянной бутылки, приговаривая:

– Щас, щас!

Увидев, что я пытаюсь подняться, мужичок испуганно замахал руками.

– Куда ты? Лежи! Щас, кровь оботру! Голову-то не проломил?

Он подбежал ко мне, присел на корточки и стал осторожно водить тряпкой по моему лбу. Кожу немилосердно защищало.

– Ручка же специальная есть, чтобы держаться! – выговаривал водитель. – Чуть стекло мне не вышиб головой!

Я потихоньку начал понимать, в чём дело. Значит, я каким-то образом ехал в кабине этого «ЗИЛа». А потом мы врезались, или?

Я снова приподнял голову. Следов аварии не было. На пустой просёлочной дороге стоял только «ЗИЛ». За ним по песку тянулись свежие полосы от резкого торможения.

– Что случилось? – спросил я водителя.

– Кабан проклятый! Прямо на дорогу выбежал. Я тормознул, а ты головой в стекло – хрясь! И сидишь – бледный весь, глаза закрыты, со лба кровища! Я думал – ты убился насмерть!

В голове у меня царил полный кавардак.

Я помнил, как помогал Диме снимать колесо с троллейбуса. Как закололо в сердце, и ослабли руки. Как промелькнула перед глазами вечерняя озёрная гладь с птичьими силуэтами, а потом наступила темнота.

Но ещё я помнил, как час тому назад вылез на остановке из красно-белого «Икаруса», который шёл из Ленинграда в Сясьстрой. В салоне было душно, даже короткие шторы на окнах не спасали от солнца. Рядом со мной сидела полная женщина в трикотажной кофте с коротким рукавом. Она всё время обмахивалась газетой.

За окном побежали частные дома с заборами из облупившегося штакетника. Потом показалась труба котельной и теснящиеся возле неё кирпичные двухэтажки.

– Киселёво, – объявил водитель в микрофон.

Я вышел из автобуса. С удовольствием вдохнул тёплый летний воздух, который показался мне удивительно свежим после духоты автобуса.

Вытащил из багажного отсека свои пожитки – битком набитый рюкзак, большой чемодан из фибры, обтянутый дерматином и мою гордость – новенькую вертикалку ИЖ-27 в брезентовом чехле.

Водитель закрыл багажный отсек. Автобус мягко тронулся по шоссе в сторону Старой Ладogi.

Я посмотрел ему вслед, привычно закинул за спину тяжёлый рюкзак. Чемодан взял в одну руку, ружьё, для равновесия – в другую. И пошёл по шоссе назад, под гору – туда, где

от асфальта отходила просёлочная дорога на Черёмуховку.

Мне нужно было прошагать десять километров, чтобы добраться до деревни, где я теперь буду жить и работать.

Что такое десять километров для молодого парня?

Стоп! Молодого?

Я помотал головой. В затылок снова ударила резкая пульсирующая боль. Я поморщился, осторожно поднялся на ноги побрёл к машине. Водитель, забегая вперёд, бормотал:

– Парень, ты куда? Эй! Егерь! Слышишь меня?

Не обращая на него внимания, я посмотрел в овальное зеркало заднего вида на двойном кронштейне.

Из зеркала на меня изумлённо глядел смутно знакомый парень, лет двадцати пяти. Светлые волосы были зачёсаны назад непокорным чубом и открывали высокий лоб, на котором кровоточила здоровенная припухшая ссадина. Кровь запеклась даже на бровях. Коротко подстриженные виски открывали чуть оттопыренные уши. Серые глаза широко раскрылись от удивления.

Мать честная! Это что, я? Молодой?

Но какой тогда год?

Двадцать пять мне стукнуло как раз в восемьдесят пятом. Но в восемьдесят пятом году я работал бригадиром путейцев на Октябрьской железной дороге в родном городе Волхове. И на дороге в Черёмуховку вполне мог очутиться. Я охотиться сюда ездил. Пока страна не затрещала по швам и не развалилась.

В девяносто втором я уволился с железки и подался искать счастья в Ленинград, который к тому времени успел стать Петербургом. Окончил учебный комбинат на Гражданском проспекте и устроился водителем в третий троллейбусный парк. Где и проработал тридцать лет до самой...

До самой чего? Смерти, конечно!

Несколько минут назад я держал руками тяжёлое колесо. Потом резко кольнуло в сердце, и я потерял сознание. А очнулся на просёлочной дороге, в теле парня, похожего на меня в молодости.

Что это, если не смерть? Кома? Галлюцинации?

Какая, к чёрту, кома при сердечном приступе?

И при чём тут «Икарус» из Ленинграда? Рюкзак с чемоданом? Ружьё?

– Парень, ты в кабину залезть сможешь? – спрашивал за спиной водитель. – Давай, я помогу! Сейчас, к фельдшеру тебя отвезу. Пусть она твою голову посмотрит!

Он осторожно подталкивал меня в спину. Подчиняясь ему, я поставил на высокую подножку ногу в крепком кирзовом сапоге.

Это что – я в такой обуви в автобусе ехал? Из Ленинграда?

– Давай, парень, садись! – упрашивал за спиной водитель «ЗИЛа». – У меня время поджимает!

Я ухватился правой рукой за горизонтальную ручку, которая была намертво вварена в металлическую «торпеду» автомобиля. Подтянулся и сел на короткий двухместный ди-

ванчик, обтянутый рваным кожзаменителем.

Водитель сунул мне мокрую тряпку и с грохотом захлопнул дверцу. Обежал вокруг огромного капота, запрыгнул на водительское место.

Завёл рычащий двигатель, посмотрел на меня.

– Напугал ты меня, егерь! Ну, поехали, что ли?

Он воткнул рычаг переключения скоростей. Машина дёрнулась и покатила по дороге, подпрыгивая на кочках.

Я оглянулся и через пыльное заднее стекло увидел в пустом кузове рюкзак, чемодан и ружейный чехол.

Летнее солнце порядком раскалило кабину. Крутя тугую ручку, я опустил боковое стекло. В воздухе закружилась мелкая жёлтая пыль.

Я повертел в руках тряпку, выискивая на ней место почище. Нашёл, и прижал этим местом тряпку к ссадине. Фельдшер, конечно, её промоет и забинтует. Но пока ни к чему, чтобы пыль загрязняла рану.

Водитель пошарил в бардачке. Вытащил оттуда смятую газету.

– Приложи. Газета быстро кровь останавливает.

«Сельская жизнь». Номер от двенадцатого марта 1971-го года. «К севу – полная готовность!» – прочитал я заголовок на первой полосе.

Газета, конечно, не новая. Мятая, в жёлтых пятнах. Но и то, что ей почти двадцать лет – не скажешь.

Я оторвал кусок внутренней полосы и прижал к ссадине.

Всё же чище, чем тряпка, которой неизвестно что вытирали.

Водитель достал из кармана спецовки пачку «Примы» и спичечный коробок. Стукнул пачкой о тонкий обод руля, выбил сигарету. Сунул её в зубы и ловко прикурил, отпустив руль. Протянул пачку мне.

– Будешь?

Я машинально взял квадратную картонную коробку. Один угол аккуратно надорван – чтобы сигареты не высыпались в кармане. Стукнул пачкой о ладонь. Одна сигарета наполовину выскочила.

Давно забытые ощущения, а руки помнили.

Я аккуратно покатаю овальную сигарету в пальцах, чтобы табачные палки не проткнули тонкую бумагу. Сунул размятую сигарету в рот, чиркнул спичкой, прикурил. Язык защищало от горьких табачных крошек.

Дым смешался с пылью. А водитель только улыбался, подпрыгивая на сиденье.

– Тебя как звать-то, егерь?

«Сергей» – подумал я.

– Андрей, – сам собой опередил меня язык.

Почему Андрей?

– А меня Володей, – улыбнулся водитель и протянул мне руку. Ладонь у него была широкая, не по размеру фигуры, и жёсткая – из-за мозолей и заживающих порезов. Машинное масло въелось в кожу, делая её смуглой. Пальцы пожелтели от табака.

Я пожал руку Володи.

– Значит, егерем к нам? – продолжал расспрашивать водитель. – На лето?

Видимо, мы с ним уже успели начать разговор, пока на дорогу не выскочил тот злосчастный кабан.

– Угу, – неопределённо промычал я и сделал вид, что очень озабочен ссадиной.

Чёрт бы побрал это деревенское любопытство!

– Сбежал, значит, из города? – не унимался водитель. – Деревню любишь?

Я вдохнул поглубже и закашлялся от едкого табачного дыма. В затылке стрельнуло, на глазах выступили слёзы.

– Не куришь, что ли? – рассмеялся водитель.

– Так, – прохрипел я. – За компанию.

В прошлой жизни я так и не бросил. Хоть и давление шатило, и сердце побаливало. Думал – чего там бросать? Всю жизнь курил.

Вот и докурился, видно.

А Андрей, похоже, табаком не баловался.

– А я вот как привык с детдома – так и курю, – словоохотливо пояснил Володя. – Мать в войну умерла – меня в детдом отправили. Там курить и научился.

Стоп! Какая война? Володе на вид лет сорок, не больше! Если сейчас девяностый – значит, родился он в пятидесятом. Война уже пять лет, как закончилась.

Или сейчас не девяностый год?

Мы въехали в деревню. «ЗИЛ», не сбавляя скорости, нёсся по единственной улице между просторно стоявших домов.

От рубленого колодца, над которым высился журавль, шла молодая женщина в ситцевом платье. На загорелом плече она несла коромысло с двумя полными жестяными вёдрами.

Володя посигналил ей. Женщина коротко кивнула и пошла дальше.

– Михална, – бросил Володя. – Жена нашего агронома. Здесь они живут, в Сарье. Хотя в Черёмуховке им квартиру предлагали! А вот облюбовали деревенский дом, и всё тут.

Слово «квартира» Володя произнёс с плохо скрываемой завистью.

Ага! Значит, это Сарья – деревня на половине пути от Киселёво до Черёмуховки.

А где-то недалеко есть лесное озеро, на котором я пару раз ловил похожих на головешки, почерневших от торфяной воды окуней.

«ЗИЛ» быстро проскочил деревню. На окраине стояла большая совхозная ферма. Над длинным зданием коровника трепетал на ветру красный кумачовый плакат:

«Перевыполним план по надоям к 30-тилетию Победы!»

Этот плакат растянули совсем недавно. Кумач ещё не успел поблёкнуть и выцвести.

Но кто будет развешивать на виду у всех неактуальный лозунг? А значит...

Сорок пять плюс тридцать – получается семьдесят пять.
Сейчас семьдесят пятый год, а не девяностый.

И я не в своём теле.

А настоящему мне сейчас четырнадцать лет. И живу я с мамой, папой и младшей сестрой совсем недалеко отсюда.

Потому и газета не выглядит очень старой.

Меня замутило. Я откинулся на жёсткую спинку автомобильного сиденья. Потом высунул голову в окошко и жадно задышал, глядя на бесконечные картофельные поля, окаймлённые далёкой полоской леса.

– Ничего! – крикнул Володя. – Сейчас приедем!

Поля закончились. Лес резко приблизился вплотную к дороге, затем перешёл в сорный ольшаник. Справа потянулись кирпичные здания совхозных мастерских. Широкий двор был заставлен тракторами и другой сельскохозяйственной техникой.

«ЗИЛ» въехал в деревню. Возле магазина повернул направо, прокатился метров пятьсот по узкой улочке между бесконечными некрашеными заборами и остановился у небольшого здания, обложенного кирпичом. Над дверью висела синяя выцветшая табличка с красным крестом и короткой надписью: «Медпункт».

Глава 2

Из кабины я не выскочил, а вылез. В затылке ещё гудело, но на ногах я уже держался твёрдо. Немного постоял, вдыхая непередаваемый запах деревни – свежескошенная трава, навоз, печной дым и бензин.

Спасибо Володе – ловко запрыгнув в кузов, он подал мне сначала чемодан, а потом рюкзак.

Чемодан я поставил прямо на землю. Ничего ему не сделается! А рюкзак закинул за спину.

– Тозовка? – уважительно спросил Володя, держа в руках чехол с ружьём.

– Нет, – с машинальной гордостью улыбнулся я. – ИЖ двадцать семь!

– Двустволка?

– А как же!

– Осенью на охоту пойдём – дашь пальнуть, – как о решённом сказал Володя.

– Обязательно, – пообещал я.

Володя выпрыгнул из кузова.

– Ну, идём! Отведу тебя к нашей врачихе!

Он почему-то покрутил головой.

Э, нет, так не пойдёт! Врачи, как и милиционеры, отличаются излишним любопытством. Начнёт доктор на меня карточку заводить, спросит фамилию. И что я ей отвечу? За-

был? Погодите – сейчас документы поищу?

А есть у меня эти самые документы? Должны быть, если я надолго приехал. Вот только где они?

Я был одет в выцветшую штормовку с капюшоном и такие же брюки. В нагрудном кармане штормовки лежало что-то прямоугольное. Я уже потянулся было рукой, но вовремя опомнился.

– Ты поезжай, Володя! У тебя, наверное, работы полно?

Тут я попал в точку. Чтобы у совхозного водителя среди белого дня не было работы? Так не бывает!

– Точно сам справишься? – спросил Володя. – Тогда, и вправду, поеду. Мне ещё за фосфатами в район катиться.

– Справлюсь. Спасибо тебе!

– Да не за что! – улыбнулся Володя. – Теперь односельчане – так сочтёмся! Бывай, Андрюха!

Он запрыгнул в кабину, оглушительно хлопнул дверцей. Двигатель взревел, и «ЗИЛ» с грохотом укатил куда-то в сторону мастерских.

Я присел на скамеечку, которая заботливо стояла возле крыльца медпункта.

Мне надо было хоть немного подумать.

Тёплый ветер шевелил изрядно подросшую траву за медпунктом. Пора окашивать.

Итак, я умер.

Мысль показалась дикой, она совершенно не укладывалась в голове.

Но последнее, что я помнил – конец апреля, канун майских праздников. Запах молодой листвы, которая ещё не успела покрыться городской пылью. Ремонтный цех троллейбусного парка, тяжёлое колесо, и колющую боль в груди.

А сейчас начало лета, деревня. И год другой. И я тоже другой. Страна – и то другая.

Левой рукой я расстегнул клапан нагрудного кармана и достал документы.

Паспорт гражданина СССР. Непривычная тёмно-зелёная обложка. Внутри – фотография Андрея. Моя фотография.

Синицын Андрей Иванович, одна тысяча девятьсот пятидесятого года рождения. Место рождения – город Волхов Ленинградской области.

Синицын?

Это же моя фамилия. И отчество моё. Только имя чужое.

Я пролистал паспорт, но сведений о родителях в нём не было. Отложил его в сторону и взялся за другие документы.

Охотничий билет Ленинградского Областного Общества Охотников и Рыболовов. Внутри – другая фотография, помоложе. Отметка о сдаче охотминимума. Марки об уплате членских взносов.

Студенческий билет Ленинградской Лесотехнической Академии. Студент третьего курса.

Получается – меня на практику направили?

Ага! Вот и направление на летнюю практику в ЛОООиР. «Просим... предоставить...».

Наискось, небрежным почерком, виза. «Принять на должность временно исполняющего обязанности егеря». Размашистая, но неразборчивая подпись. То ли Тимофеев, то ли Прокопович.

Снова странность. Студента – егерем? Почему не помощником? Что, у ЛОООиР штатного егеря здесь нет?

Снова открыл паспорт – посмотреть прописку. И вдруг услышал над собой звонкий девчоночий голос:

– Товарищ! Вы почему тут сидите и не заходите?

Руки воровато дёрнулись – спрятать документы. Но я сдержал себя, сделал вид, что вздрогнул от неожиданности.

Надо же – товарищ!

Я поднял глаза. На крыльце медпункта стояла очаровательная юная блондинка в белом халате. Лет двадцати, не больше. Халатик был длиной чуть выше колен, и застёгнут на все пуговицы.

Светлые волосы она стянула в короткий хвост. Наверное, чтобы не мешали работать.

Блондинка с тревогой смотрела на меня.

– Вам плохо, товарищ?

Мне? Нет, мне хорошо. Вот сейчас, наконец, хорошо! Так хорошо, как не было за последние тридцать лет.

На душе внезапно потеплело. Тревожные мысли не исчезли, но отошли куда-то на задний план.

Блондинка озабоченно нахмурилась.

– Вы сможете идти, или вам помочь?

– Смогу, – ответил я, по-дурацки улыбаясь.

Спрятал в карман документы и поднялся со скамейки.

Убедившись, что я твёрдо стою на ногах, блондинка деловито развернулась и ушла в медпункт. Я подхватил вещи и пошёл за ней, в прохладный сумрак длинного коридора. Растерянно замер у порога.

Из открытой двери слева снова донёсся её голос:

– Разуйтесь при входе, пожалуйста! И проходите сюда.

Я опустил вещи прямо на чисто вымытый дощатый пол. Упираясь носком в задник, стащил с ног сапоги. И обнаружил под ними плотно намотанные суконные портянки.

Портянки начали разматываться, и я похолодел от ужаса. Неужели придётся идти к очаровательной медсестре босиком?

На моё счастье под портянками оказались тонкие хлопчатобумажные носки. И даже без дырочек.

Шлёпая по крашеному полу, я прошёл в светлую комнату. Два окна и только белая мебель. Белая кушетка, белый шкаф с фанерными дверцами. Белый держатель для капельниц. Два белых деревянных табурета. В углу – пузатый белый холодильник «Юрюзань».

Высокая квадратная печь, оштукатуренная глиной, тоже была аккуратно побелена извёсткой.

Единственным исключением был светлый полированный стол, на котором лежал ручной тонометр, и стояли настольные часы.

– Ну, что же вы? – спросила блондинка. – Садитесь!

Движением подбородка она показала на кушетку.

– Вам точно не плохо? Где вы так ударились?

Я заметил, что она чуть-чуть картавит. Совсем немножко, еле заметно.

– В машине. Водитель резко затормозил, и я влетел лбом в стекло.

– Голова не кружится? Не тошнит?

– Нет, – улыбнулся я.

– Посмотрите на палец!

Она наклонилась ко мне и незаметно принюхалась. То есть, она думала, что незаметно.

– Теперь смотрите сюда! Хорошо! Возможно, у вас лёгкое сотрясение. Реакции слегка запаздывают. Сейчас я обработаю рану и сделаю перевязку. А потом вам надо полежать два-три дня. Вы откуда?

– Из Ленинграда, – ответил я, улыбаясь во весь рот.

– Правда?

Глаза блондинки широко распахнулись.

– Да. Вот только приехал. Буду у вас егерем работать.

– Вас уже поселили?

Расспрашивая меня, она осторожно протирает ссадину марлевым тампоном, периодически смачивая его из большого стеклянного флакона. Кожу сильно жжёт, но я терплю, стараясь не морщиться.

– Пока нет. Я ещё не был у председателя. Подскажите, где

у вас сельсовет?

– Вам нужно вернуться к магазину и повернуть направо.

Через три дома увидите!

Она ловко обмотала мне голову бинтом, не забыв подложить чистый марлевый тампон на ссадину. Отошла на шаг, чтобы полюбоваться своей работой и расхохоталась.

– Вы точь-в-точь как Павка Корчагин! Уже видели новый фильм? Обожаю Конкина! Вы чаю хотите с дороги?

– С удовольствием! – искренне ответил я.

– Меня Катей зовут!

Она протянула для рукопожатия крепкую ладошку. Я встал с табурета и осторожно пожал ей руку.

– Андрей.

– Ой! – всполошилась Катя и смешно всплеснула руками. – Я забыла на вас карточку завести!

Секунду она хмурилась, а потом махнула рукой.

– Ладно! Сначала чай! А потом карточку. Идите за мной, товарищ егерь!

Катя привела меня в соседнюю комнату. Здесь стояли две кровати с пружинными сетками. На тумбочке – алюминиевый электрический чайник с тонким носиком, фарфоровый чайничек для заварки и две чашки. Вазочка с засохшим круглым печеньем.

Катя включила чайник в розетку. Из маленького чайничка разлила по кружкам заварку. Достала из тумбочки эмалированную миску, прикрытую промасленной бумагой.

– Пирожки. Хотите?

Она ещё спрашивает!

От запаха свежей выпечки у меня нещадно заурчало в животе.

– Вижу, хотите! – рассмеялась Катя. – Вон, как у вас глаза блестят!

– Как? – улыбнулся я.

– Волчьим голодным блеском.

Я мигом проглотил пирожок. Он оказался мягким, с кисло-сладкой яблочной начинкой и лёгким привкусом дрожжей и топлёного масла.

– Ум-м-м, вкуснятина! Катя, это вы сами пекли?

– Если бы! Соседка угостила. А вы надолго к нам, Андрей?

– На практику, – честно ответил я. – А что случилось с егерем, который работал до меня?

Катя погрустнела.

– Василий Ильич умер месяц тому назад. Ему шестидесяти ещё не было. А сердце оказалось больное. И курил много. Я ему говорила – бросайте курить, Василий Ильич, поберегите здоровье! А он только отшучивался. А вы курите, Андрей? Только не врите! От вас табаком пахнет.

– Это водитель курил, – ответил я. – Ну, а я так, за компанию.

– За компанию нужно есть мороженое, или заниматься спортом, – строго ответила Катя. – Вот вы, Андрей, бегаєте

по утрам?

– Нет, – смутился я.

– И я не бегаю, – со вздохом сказала Катя. – А это очень полезно для здоровья.

Она налила мне ещё чаю.

– Вы кушайте пирожки, не стесняйтесь!

– Это же ваш обед, – запротестовал я.

– Ничего. Лёгкий голод полезен для фигуры.

Я поддался на уговоры и взял ещё пирожок. Если честно – уговорить меня было несложно. У меня с самой смерти маковой росинки во рту не было.

Именно в эту минуту, за чашкой горячего чая с симпатичной девушкой Катей я решил, что не стану сходить с ума. И мучиться угрызениями совести тоже не стану. А буду просто жить в новом времени и в новом теле, раз уж мне выпал такой немислимый шанс.

– Спасибо, Катя, – сказал я. – За чай, за пирожки и вообще.

– Пожалуйста, – улыбнулась Катя. – Я следующей осенью тоже в Ленинград поеду. Буду поступать в институт. И тогда уже вы меня пирожками угостите. В кафе на Невском проспекте.

– Договорились, – кивнул я.

– А сейчас пойдёмте, я на вас карточку заведу.

Сидя за полированным столом, Катя аккуратным, совсем не врачебным почерком заполняла карточку, отпечатанную

на плотной желтоватой бумаге. Наклонив голову к плечу, она старательно выводила буквы. Даже кончик языка высунула от усердия.

Я, не торопясь, диктовал ей данные, которые успел посмотреть в документах.

– Ну, вот, – закончив, сказала она. – Теперь, Андрей Иванович, я всё про вас знаю. Где родились, где учились. И даже – что вы собираетесь делать дальше.

Эх, Катя! Мне бы самому про себя всё узнать!

– Послезавтра зайдите ко мне – нужно будет сменить повязку! – напомнила Катя. – И приходите в субботу в клуб! Там будет кино, а потом – танцы! До свидания, товарищ егерь!

– До свидания, товарищ фельдшер! – улыбнулся я.

И пошёл по узкой улочке назад, к перекрёстку. После обеда председатель принимал по личным вопросам – это мне сказала Катя. Нужно было успеть застать его в сельсовете.

Сельсовет располагался в большом доме на три крыльца. Дом стоял в глубине от дороги и утопал в кустах цветущей сирени и волнах сладкого запаха. Окна были открыты. Из одного доносилось бормотание радиоприёмника.

Над ближайшим крыльцом висела табличка:

«Правление совхоза «Заря коммунизма». Очевидно, мне было не сюда, и я пошёл дальше вокруг дома.

Следующая дверь вела в пункт охраны правопорядка.

Створка была приоткрыта.

Я собрался пройти мимо. Но высокий голос из-за двери сказал:

– А ну-ка, зайди!

Сердце испуганно ёкнуло. Одно дело – болтать с симпатичной фельдшерницей. И совсем другое – общаться с милицией.

На дощатое крыльцо вышел парень моих лет. Одет он был в форменные милицейские брюки с тонким красным кантом и белую рубашку с коротким рукавом. На плечах рубашки я увидел погоны с двумя маленькими звёздами.

Я поднялся на крыльцо. Оно подозрительно скрипнуло под моим весом, но выдержало.

– Добрый день, товарищ лейтенант!

– Добрый день! Слушай, помоги мне шкаф передвинуть, а? Одному не справиться – тяжёлый, зараза!

– Какой шкаф?

– Да вот этот!

В небольшом помещении, посередине стены стоял высокий трёхстворчатый шкаф, сделанный из настоящего дерева. Дверцы его были перевязаны верёвкой.

Чтобы не открылись, подумал я.

– Час уже бьюсь!

– А куда вы хотите его поставить?

– Да в угол! Хоть немного просторнее будет.

– Тапки бы под ножки подложить, – предложил я.

– Тапок нет, – задумался лейтенант. – Слушай, погоди!

Он вышел в тамбур и вернулся, неся в руках большие чёрные валенки.

– Пойдёт?

– Пойдёт.

Мы сообща наклонили шкаф и подсунули валенки под его ножки с одной стороны. Потом поднажали с другой, и шкаф, как по маслу поехал в нужный угол комнаты.

– Вот спасибо! – сказал лейтенант и протянул мне руку.

– Вольнов Павел. Здешний участковый.

– Андрей Синицын. Буду работать егерем. Временно.

– А я думаю – почему ты с ружьём! Вроде, не сезон. Ну, будем знакомы, егерь! Ты к председателю? А с головой что?

Павел задавал вопросы быстро и как бы невзначай внимательно на меня поглядывал.

– В машине ударился. Ерунда. Да, к председателю.

– Ну, так идём! Вещи можешь здесь пока оставить.

Мы спустились с крыльца, завернули за угол и оказались у входа в Черёмуховский сельсовет.

Павел потянул на себя скрипучую дверь, выкрашенную синей краской.

– Входи!

Сразу за маленьким тамбуром оказался коридор, в который выходили несколько дверей. Из-за одной из них доносилась классическая музыка.

Тот самый радиоприёмник, догадался я.

За другой, приоткрытой, мужской голос раздражённо говорил:

– А мне пять машин щебня надо, а не две, товарищ Щелканов! Да, пять! И нет – две мало! Твои лесовозы мне всю дорогу в деревне разбили! Ах, у тебя план? Так вот, у меня тоже план. И план этот такой, чтобы совхозная техника не ломалась на ухабах и не застревала посреди деревни в лужах после твоих лесовозов!

Участковый махнул мне рукой. Мы вошли в дверь и остановились на пороге.

Невысокий плотно сложенный человек в сером помятом костюме язвительно говорил в трубку:

– И если ты мне завтра щебень не привезёшь – я буду в исполком звонить. Нет, машин у меня тоже нет! Ты лесовозами дорогу разбивал – вот на своих машинах щебень и вези!

Для убедительности человек строил такие угрожающие гримасы, как будто собеседник мог не только слышать его, но и видеть.

– Всё, до завтра!

Человек в костюме с силой брякнул трубку телефона на рычаги. Потом достал из бокового кармана пиджака большой белый платок с голубыми узорами. Этим платком он вытер вспотевшую шею и нетерпеливо посмотрел на нас.

– Что случилось? Паша, что-то срочное?

Я решил, что лучше повести разговор самому и шагнул

вперёд.

– Здравствуйте! Меня зовут Андрей Сеницын. Я ваш новый егерь. То есть, не ваш, а Ленинградского общества охотников и рыболовов. Но жить и работать буду у вас.

Человек выскочил из-за стола и подбежал ко мне.

– Отлично! Отлично! Наконец-то! Ведь никакого покою нет! Каждый год ходят и роют! Ходят и роют! Даже днём! Совсем обнаглели!

– Кто? – растерявшись, спросил я.

– Да кабаны же! – воскликнул человек. – Сколько раз я Ильичу говорил: выпиши лицензию на отстрел! Так и не выписал! А теперь – что уж!

Человек крепко стиснул мою руку и принялся её трясти, словно собрался оторвать.

– Фёдор Игнатьевич Голошеев – председатель Черёмуховского сельсовета.

– Андрей Сеницын, – ответил я.

– А по батюшке?

– Иванович.

– Ты когда приехал, Андрей Иваныч? Только что? Ничего! Сейчас мы тебя разместим. А завтра и за работу, верно? Работы много!

Он вернулся за стол и перевёл задумчивый взгляд на большую карту посёлка, которая висела на стене.

– Куда бы поселить тебя? К старухе Ваниной, что ли? Она бабушка одинокая, тихая. А ты ей по хозяйству поможешь,

если что, а?

– Фёдор Игнатьевич! – сказал я. – Если кому помочь надо – я и так помогу. А нельзя ли мне отдельное жильё? Сами понимаете – работа такая. То в лес ночью надо, то из леса. Ружьё у меня. Буду пожилую женщину тревожить.

– Отдельное? Ну, тогда только старого егеря дом. Василия Ильича покойного. Уж не взыщи! Дом старый, но крепкий. Как раз на краю деревни. И мебель кое-какая имеется. Даже посуда осталась.

– Я согласен, – быстро сказал я. – А у Василия Ильича семьи разве не было?

– Семья у него вся ещё в войну погибла, во время бомбёжки, – сказал Фёдор Игнатьевич. – Жена Люба и две дочки маленькие. Василий когда с фронта вернулся, тогда только и узнал. С тех пор и жил один. Егерем устроился, да всё в лесу и пропадал.

Мы помолчали.

– Ну, иди тогда, устраивайся, Андрей Иванович! – сказал председатель. – И правда, нехорошо, что дом пустой стоит. Да по дороге ко мне домой зайди. Скажи Марье, чтобы постельное бельё тебе дала чистое и подушку с одеялом.

– Не надо, Фёдор Игнатьевич! – попробовал отказаться я. Но председатель и слушать не стал.

– Некогда мне препираться! И вот что – пусть Марья обедом тебя накормит. Голодный же с дороги.

– Меня Катя в медпункте чаем с пирогами напоила, – ска-

зал я.

– Ну, это правильно, – ответил председатель. – А что у тебя с головой?

– Ерунда. В машине ударился.

– Погоди-ка! Ты с Володькой ехал? Он пьяный был, что ли?

– Нет, Фёдор Игнатьевич! Кабан на дорогу выскочил.

– Опять кабан? Я же говорю – нет от них спасения! Уже на машины кидаются! Ты иди, иди, Андрей Иваныч! У меня дел по горло! Успеем наговориться ещё!

Председатель выразительно провёл ребром ладони по небритому кадыку.

– А документы? – напомнил я.

– Завтра занесёшь! – махнул рукой Фёдор Игнатьевич, снимая трубку телефона. – Да ключ от дома возьми!

Он открыл ящик стола, порылся в нём и вытащил круглый ключ на верёвочке.

Глава 3

Павел вызвался меня проводить. Он подождал, пока я заберу вещи, и запер дверь опорного пункта на замок.

– Так положено, – объяснил он мне, виновато пожимая плечами. – Там документы. Да и вообще – мало ли...

Решётки на окнах опорного пункта не было и в помине.

– Налево, – сказал Павел, когда мы вышли на центральную улицу.

Кстати, она называлась улицей Советов. А сельсовет стоял на Трудовой улице. Такая вот странность.

Мы шли, не спеша. Рюкзак, по-прежнему, висел у меня за плечами, а ружьё я нёс в руке. Но чемодан Павел у меня отобрал и теперь тащил, изредка перекладывая из одной руки в другую.

Деревня жила. Видеть это было странно.

В той, прежней жизни я привык к деревням, где доживают свой век старики. В таких деревнях заколоченных и разваливающихся домов больше, чем жилых. Если проезжать по такой деревне зимней ночью – то покажется, что дома давно умерли и стоят вдоль дороги чёрными призраками. Редко-редко в каком-нибудь окошке мелькнёт слабый свет.

Летом некоторые деревни наполнялись дачниками. Но ведь это искусственное оживление, не больше. Дачники стригли свой газон, сажали цветы на альпийских горках. Жа-

рили шашлык из покупного мяса и пили пиво. Потом уезжали обратно в город.

А вокруг разваливались пустые фермы и зарастали борщевиком голые поля.

Здесь, в Черёмуховке, было совсем не так. За каждым забором кипела жизнь. По дороге нам то и дело попадались молодые женщины и мужчины, спешащие по совхозным делам. Вдалеке слышались детские голоса.

– У вас тут и школа есть? – спросил я участкового.

– Есть, а как же! – ответил Павел. – Правда, только восьмилетка. Но зато учителя такие – потом в любой техникум поступишь!

– А ты местный?

– Местный. Здесь родился, здесь учился. Потом среднюю школу милиции закончил, и сюда участковым вернулся.

– Не скучно тебе здесь?

– В деревне-то? Когда скучать, если вокруг все знакомые? Это в городе скучно. Куда ни пойдешь – никого не знаешь. Захочешь поговорить, а не с кем.

Неожиданная точка зрения, но мне она понравилась. В ней чувствовалась правда.

Я вспомнил длинные дни наедине с телевизором, которые частенько бывали в моей прошлой жизни. Соседей по подъезду, которые даже в лифте не отрывали глаз от смартфона.

– Слушай, а телевизоры у вас тут есть?

– Есть кое у кого. Да что в них толку, если они только две

программы показывают? По субботам в клуб кино приезжает – и то интереснее!

– Это хорошо, – улыбнулся я. – Кино – это хорошо.

Вдоль улицы Советов тоже всюду цвела сирень. Её высаживали почти перед каждым палисадником, и разрасталась она буйно и своенравно.

Syringa vulgaris, неожиданно вспомнил я латинское название сирени. Сирень обыкновенная.

Похоже, воспоминания Андрея никуда не делись. Это здорово облегчало мне задачу привыкания к новой жизни.

Да и момент был выбран очень удачно. Никаких старых друзей и знакомых, которые могли бы заметить перемены в моём характере и странности в поведении. А осенью изменения будут не так заметны. Особенно, если я за лето вспомню, как можно больше.

– С чего думаешь начать? – спросил меня Павел.

Я задумался.

– Первым делом познакомлюсь с участком. Пожалуй, завтра и начну. Постараюсь за неделю обойти всю границу угодий.

– Хорошая мысль, – одобрил Павел. – Но в субботу-то отдохни. Кино в клубе, помнишь?

– А сегодня среда или четверг? – спросил я, прикидываясь рассеянным.

– Вторник! – захохотал участковый.

Эх, ещё бы число узнать и месяц! В кабинете председателя

я искал взглядом календарь, но не нашёл.

А ведь число должно быть на автобусном билете! Если только я его не выкинул.

Мятый бумажный комочек отыскался в кармане брюк. Я развернул его. Десятое июня. Вторник.

Вот и ещё один кусочек мозаики встал на своё место. Теперь хорошо бы найти календарь и убедиться, что в семьдесят пятом году десятое июня выпало именно на вторник.

– Ты что там разглядываешь? – спросил Павел.

– Номер билета смотрю.

– И как?

– Счастливым! – улыбнулся я.

– Давай мы сначала вещи занесём, а потом к Голошеихе сходим? – предложил Павел.

– Почему Голошеиха? – поинтересовался я.

– А как? – удивился Павел. – Мария Антоновна замужем за председателем Голошеевым. Значит, Голошеиха и есть!

– Обидно вроде как-то звучит? – осторожно сказал я.

– С чего бы? – пожал плечами Павел. – Её в деревне все так зовут. Да и остальных женщин тоже – по мужу.

По деревянному мосту мы перешли неширокую мелкую речку, которая быстро бежала, журча под бетонными опорами. Под мостом ребятишки ловили пескарей удочками, вырезанными из орешника.

– Как речка называется? – спросил я Павла.

– Песенка, – ответил участковый.

И правда, Песенка, подумал я, прислушиваясь к негромкому журчанию. Хорошее название, верное.

– Вот и пришли!

Павел показал на невысокий основательный дом в два окна с треугольной, крытой железом крышей. Дом до самых окон зарос раскидистыми лопухами и лебедой.

– Огород Ильич в этом году не копал – не до того ему было, – словно извиняясь, сказал Павел.

– Сколько же этому дому лет? – спросил я, глядя на доски, которыми был обшит сруб. Когда-то они были выкрашены жёлтой краской, но давно выцвели и облупились.

Павел пожал плечами.

– Лет тридцать, наверное. Ильич его поставил, как с войны вернулся. Тогда вся деревня заново строилась. После войны тут одни печные трубы из земли торчали! Хоть фронт сюда и не дошёл, но бомбили немцы сильно.

Мы продрались сквозь высокий репейник. Колючки были ещё мягкие, зелёные. Зато листья вымахали такие, что под ними можно было спрятаться.

На крепкой двери висел чёрный полукруглый замок уже побитый рыжей ржавчиной.

– Ну, открывай, Андрюха! – сказал участковый.

Я прислонил ружьё к косяку, вытащил из кармана ключ и вставил его в замочную скважину. Он повернулся легко – видно, замок был смазан изнутри. Дужка откинулась с лёг-

ким лязгом, и я потянул дверь на себя.

Сразу за дверью начинались широкие ступеньки, которые вели в холодные сени. В дощатые стены были врезаны широкие окна в частых деревянных рамах. В углу стоял накрытый порванной клеёнкой стол. На нём в беспорядке навалены плотницкие инструменты – молоток, стамеска, клещи. Рядом стояла ржавая банка из-под краски, наполовину заполненная гнутыми гвоздями.

Я пододвинул банку и увидел на белой с синими узорами клеёнке круглый рыжий след.

– Видать, мастерил что-то Ильич, – сказал Павел, открывая низкую дверь в дом. Для тепла она была оббита вытертыми волчьими шкурами. Мездра ещё сохранила кислый запах уксуса, которым выдывали шкуры.

В доме стоял полумрак. Небольшие окна с двойными рамами плохо пропускали свет. Под потолком болталась одинокая лампочка на витом проводе.

Я щёлкнул тугим язычком круглого чёрного выключателя. Лампочка вспыхнула, но дала больше теней, чем света.

Дом был небольшой. Кухня и комната. А что ещё нужно одинокому человеку?

Главной на кухне была печь. Кирпичная, основательная, с железной плитой на две конфорки. Даже сухие дрова лежали под плитой и наколотая лучина. Хоть сейчас растапливай.

Возле окна стоял обеденный стол. Он тоже был накрыт клеёнкой, но не такой старой, как на столе в сенях.

Под столом – три деревянных табурета, выкрашенных той же краской, что и пол.

В углу над эмалированной раковиной висел литой алюминиевый ракумоуник. Рядом с ним стоял низенький холодильник «Саратов». Жёлтая вилка с чёрным проводом лежали поверху холодильника.

Я открыл дверцу – внутри было пусто и чисто.

– Ты не сомневайся, Андрей, – сказал Павел. – Наши женщины в доме прибирались после похорон. Чтобы всё чисто было.

В доме, и правда, не было неприятных запахов. Пахло остывшей золой, немного сыростью и нафталином.

Я скинул рюкзак и поставил его на табурет. Вот и дома.

– Пойдём! – поторопил меня Павел. – Зайдём к Марии Антоновне.

– Может, не надо? – спросил я его.

– Ты в деревне, Андрюха, – улыбнулся участковый. – Здесь так принято. Соседи помогают соседям. А гордецов не любят. Сходи, возьми бельё, и не забудь сказать «спасибо». Да и спать-то тебе на чём-то надо.

Когда я запираю дверь на замок, участковый удивлённо посмотрел на меня.

– Ружьё там, – напомнил я ему.

– А, это правильно! – кивнул Павел. – Ты посмотри, там в комнате шкаф запирается должен. Ильич в нём свои ружья хранил.

– А где они сейчас? – спросил я.

– Я конфисковал и в район отвёз. Кстати, Андрюха! Хорошо, что ты приехал! Мне же твоя помощь нужна. Ты в ружьях разбираешься?

– Ну, так, – осторожно ответил я.

– Мне начальство бумагу прислало. Требуют в месячный срок сделать подомовой обход. У всех охотников проверить документы на оружие и сами ружья. А так же – условия хранения. На неисправные ружья составить протокол. Поможешь?

– Так у меня нет прав ружья по домам проверять. Только в лесу.

Но Павел отмахнулся.

– Ты со мной пойдёшь. Проверишь техническое состояние ружей. А то я в этом плохо разбираюсь. Сможешь? А все бумаги я сам буду оформлять.

Я подумал. Знакомиться с местными охотниками всё равно придётся. Я думал попросить председателя объявить собрание. Но переговорить с каждым отдельно даже лучше, хоть и займёт немало времени.

– Это смогу.

– Ну, вот и договорились! Как с обходом своим закончишь – сразу и пойдём.

Не зря Павел уговорил меня сначала занести вещи! Высокая полногрудая жена председателя выдала мне не только

полный комплект постельного белья. Она принесла эмалированную миску с дымящейся отварной картошкой и литровую банку солёных огурцов.

– И слушать не хочу! – махнула она рукой на мой отказ. – Магазин уже закрыт. Совхозная столовая тоже. Что же ты – до утра голодным сидеть будешь? Как я мужу в глаза посмотрю? Бери и не спорь! Миску потом занесёшь. А что у тебя с головой-то?

– В машине ударился, – привычно объяснил я.

– Вот такие у нас дороги! – закивала Мария Антоновна. – Лесовозы за зиму всё разбили! Уж сколько мой Фёдор с лесхозом бьётся – а всё без толку! Не дают щебня!

Поблагодарив Марию Антоновну, я поплёлся обратно к себе. Стопку белья держал на вытянутых руках, сверху пристроил миску, а в неё положил банку. Так и шёл, почти ничего не видя перед собой и нащупывая тропинку ногами.

Дома положил всё на стол и первым делом растопил печь. Не потому, что холодно. А чтобы дом жилым духом пропах. Теплом, а не сыростью.

Коробок спичек нашёлся на полочке над холодильником, где стояла крупная соль в деревянной солонке и слипшийся сахарный песок в литровой стеклянной банке. Ещё несколько коробков я нашёл в ящике старого буфета, в котором хранилась посуда. Кроме спичек в ящике лежали пять пачек «Примы».

Там же, в буфете, за деревянными дверцами отыскал ста-

рые номера газеты «Известия». Шли они вразнобой, некоторые были надорваны. Видно, что после прочтения Василий Ильич использовал газеты для хозяйственных нужд.

Я оторвал одну полосу, скомкал её и положил в чёрную от сажи топку печи между двух поленьев. Сверху пристроил лучины – так, чтобы между ними проходил воздух.

Приоткрыл заслонку в трубе и чиркнул спичкой. Синеватый огонёк побежал по бумаге, жадно пожирая решения очередного съезда партии. Задрожал, перекинулся на лучины, и они весело затрещали.

Когда огонь разгорелся, я закрыл толстую дверцу, взял чемодан и пошёл в комнату.

Здесь была всё та же спартанская обстановка. Кровать с пружинной сеткой. Над кроватью – большая самодельная карта егерского обхода. Видно, увеличенная копия с карты меньшего масштаба. Прорисована тщательно, все условные обозначения на своих местах.

Мой участок тянулся широким клином от шоссе, по которому я приехал, в сторону Ладожского озера. Самым краем обозначенная территория захватывала часть большого лесного озера Елового.

Вот туда я завтра и отправлюсь. Посмотрю окрестности озера. А по пути заверну на Липовую гриву – там, судя по карте, есть покосы. Надо посмотреть, не пора ли заготавливать сено для лосей.

У изголовья кровати – полированная тумбочка, на кото-

рой стояла настольная лампа. Видно, хозяин любил читать перед сном.

В углу комнаты стоял большой бельевой шкаф с глухими дверцами. Дверцы запирались на ключ – он торчал в скважине. Отлично! Есть, где хранить ружьё и боеприпасы. Это, конечно, не сейф, наличие которого потребуют позже. Но, всё-таки, оружие будет не на виду.

В широком простенке между окнами стоял ещё один шкаф. Точнее – стеллаж с открытыми полками. На полках плотно стояли книги.

Беляев, Булычёв, Ефремов. Вадим Шефнер. Неподходящие друг к другу тома разного цвета и разного размера. Хотя попадались и издательские серии.

Три полки стеллажа были заполнены советской фантастикой. Ни классики, ни редких в то время изданий зарубежных авторов. Только фантастика.

Полкой ниже стояли тома альманаха научной фантастики издательства «Знание» с шестьдесят четвёртого по семьдесят четвёртый год.

А на самой нижней полке аккуратными стопками лежали номера журнала «Охота и охотничье хозяйство».

Интересные вкусы были у старого егеря. Или дело не во вкусах? Может быть, потеряв самое дорогое, он не только в лес убегал от боли? Но и пытался уйти из реальности в мечты?

Книги были потрёпанные, уголки некоторых страниц за-

гнуты. Видно, что их неоднократно перечитывали.

Я открыл бельевой шкаф. Внутри, на плечиках висел старый, тёмно-серый костюм. Рядом – выгоревшая на солнце солдатская форма, тщательно выстиранная и выглаженная. Тихо звякнули медали, приколотые к гимнастёрке.

Больше в платяном отделении ничего не было, хотя свободных вешалок хватало.

За соседней дверцей на фанерных полках лежали три комплекта нательного белья и два – постельного. В узком ящике – несколько пар носков, скрученных в клубки попарно.

Я переложил вещи старого егеря на одну полку. Вернулся на кухню. Подложил дров в печку. Взял свой чемодан, отнёс его в комнату и положил на кровать, поверх вышитого покрывала.

Щёлкнул замками, откинул жёсткую крышку. Да, немного у меня вещей.

Четыре пары чёрных сатиновых трусов. Столько же маек с узкими лямками. Две рубашки в среднюю клетку, одна белая. Несколько пар носков.

Отдельной стопкой лежала форменная одежда егеря – болотно-зелёного цвета штаны и гимнастёрка. Сверху новенький планшет для карт и документов. На нём – фуражка с кокардой. Перекрещенные ружья и рогатая голова лося. Рядом с фуражкой – широкий кожаный ремень с латунной пряжкой.

Учебники, тетради, исписанные стремительным почер-

ком. Деревянный пенал с карандашами и ручками. Стопка желтоватой писчей бумаги формата А4. Записная книжка в переплёте из зелёного кожзаменителя. Фотоаппарат «Смена-8м» и три кассеты с плёнкой.

Одежду я сложил в шкаф, на освободившиеся полки. Форму аккуратно повесил на плечики – пусть отвисится.

Учебники и тетради пока пристроил на подоконнике. Хотел открыть записную книжку, но передумал.

Позже посмотрю. На сегодня голова и так переполнена впечатлениями.

Ещё и поэтому я решил с утра выбраться в лес. Нужно было спокойно обдумать всё, что случилось за этот неимоверно длинный день.

Я закрыл пустой чемодан и задвинул его под кровать.

Рюкзак оказался набит боеприпасами. То-то я замучился его таскать. Две банки пороха «Сокол», банки с дробью и картечью. Разборная пулелейка. Весы для дроби и пороха в картонной коробке. Тут же – раздвижные мерки-чашечки. Лист плотного картона, весь в круглых отверстиях. Картонные коробочки с капсулями, три упаковки папковых гильз. Десяток латунных гильз, уже стреляных. Я понюхал одну и ощутил кисловатый запах сгоревшего пороха.

Кроме боеприпасов в рюкзаке нашлись несколько банок рыбных консервов – килька в томате и сардины в масле. И банка говяжьей тушёнки.

Ну, теперь-то я точно не пропаду, даже если завтра уйду

в лес до открытия магазина!

Я открыл охотничьим ножом банку кильки. Перекусил остывшей картошкой с консервами. Похрустел солёным огурцом.

В чемодане нашлась жестяная баночка с грузинским чаем. Я взял в сених ведро и решил спуститься к речке за водой.

На улице было ещё светло, но деревня уже засыпала. Белые ночи в самом разгаре. Стояла такая тишина, что я с крыльца слышал, как в речке плещется мелкая рыбёшка.

За спиной скрипнула калитка.

– Эй, егерь! Постой!

Глава 4

Я обернулся. Возле калитки стояли двое парней, чуть моложе меня. На одном – голубая майка с пятнами машинного масла. Другой одет в застиранное поло. Руки у обоих – в карманах широких штанов, перепачканных мазутом. Оба крепкие, широкогрудые. Трактористы, что ли?

– Что вам, парни? – как можно миролюбивее спросил я.

Ведь может же быть, что они просто заглянули поздороваться? Деревенское гостеприимство, ничего необычного.

Тот, что повыше, сплюнул себе под ноги изжёванную травинку.

– Нехорошо поступаешь, егерь! Не успел приехать – а уже наших девчонок отбиваешь. Так не делается.

Ясно. Местные ребята пришли прощупать заезжего ленинградца.

Главное сейчас – не задавать вопросов и не оправдываться. Но и на рожон лезть не нужно.

Я поставил ведро на верхнюю ступеньку. И, как бы невзначай, потянулся за клещами, которые лежали на столе в сенях.

– Я вас в свой двор не приглашал. Гуляйте по улице, а сюда не лезьте.

– Это Ильича покойного дом, а не твой, – набычился тот, что был пониже.

– Теперь мой, – отрезал я. – Дуйте за калитку!

Они замерли в нерешительности.

– Отстань от Катьки, – сказал высокий. – Не твоя девчонка.

– Я и не приставал. Ещё вопросы есть?

– А чего в медпункте отирался?

– Голову бинтовал.

– Смотри! Ещё раз тебя рядом с Катькой увидим – не так забинтуем.

Несколько секунд мы молча смотрели друг другу в глаза. Затем высокий развернулся и пошёл к калитке. Его приятель – за ним. Когда он взялся рукой за перекладину, я окликнул их:

– Эй!

– Чего? – обернулись сразу оба.

– Послезавтра.

– Что послезавтра?

– Послезавтра в медпункт пойду, – объяснил я. – Повязку надо поменять. Фельдшерица велела.

Высокий прищурился, но ничего не сказал. Снова сплюнул и вразвалку пошёл по улице в сторону моста.

Я посмотрел им вслед. Потом поднял ведро и спустился по тропинке между лопухами к речке.

Чувствую, придётся мне ещё столкнуться с местной молодёжью.

Но даже эта мысль не испортила мне настроение. Будут лезть – столкнёмся! Всё-таки, эти ребята не шли ни в какое

сравнение с теми упырями, что повывлезают из тёмных щелей в девяностые.

Придётся в субботу сходить в клуб. Чем раньше мы с парнями всё выясним – тем спокойнее мне будет жить и работать. В любом деле должна быть ясность.

На берегу речки я с радостью обнаружил приземистую бревенчатую баньку. Низкая дверь была приоткрыта. Я потянул её на себя и вошёл внутрь.

Крохотный предбанник, в котором еле помещалась одна лавка. Сама баня была чуть побольше. Но и в ней едва хватало места для печки с каменкой и котлом для горячей воды. У входа стояла железная бочка. Видимо, в ней хозяин держал холодную воду.

У дальней стены – широкий полок, над ним крохотное оконце. Под полок задвинута скамейка для мытья. На ней перевернутый жестяной таз с двумя ручками и засохший кусок хозяйственного мыла в голубой пластмассовой мыльнице. На стене висит пересохшая лыковая мочалка.

Шайка – вспомнил я слово из детства. Такой таз называется шайка. В общественных банях только такие и были в это время. А в деревне мылись, кто в чём горазд.

Надеюсь, эту баню удастся протопить. Тогда грязным я не останусь. И постираться тоже смогу.

Наверное, надо составлять список – что купить в магазине в первую очередь. Два куска мыла я привёз с собой из Ленинграда. А вот мочалка нужна.

И нарезать веников! Сейчас самое время. Лист на берёзах молодой, мягкий. Цветочные серёжки ещё не проклюнулись. Неделя-другая, и будет поздно. Веник из не вовремя заготовленной берёзы осыпается, остаются голые прутья.

Я вышел из бани и по привычке плотно прикрыл за собой дверь. Подумал секунду, и приоткрыл, оставляя щель. Пусть воздух гуляет свободно, сушит доски и брёвна. Дольше не сгниёт.

Шлёпая дном ведра по поверхности, я набрал воды с квадратных мостков и вернулся в дом. Поставил на печку чайник и сел снаряжать патроны.

Лампочка на кухне светила тускло. Я чуть не ошибся, взвешивая порох на аптекарских весах. Ругнулся себе под нос и принёс из комнаты настольную лампу. Взвесив порох, пересыпал его из чашечки весов в мерку, чтобы не отвешивать каждую порцию.

Пока чайник закипал, я успел снарядить шесть патронов крупной картечью и четыре – пулевых. Дробь снаряжать не стал. Охотиться вне сезона, как делают некоторые егеря, пользуясь своим положением, я не собирался. Патроны были нужны только на случай встречи с крупным опасным зверем.

Отыскал в буфете алюминиевую кружку. Сполоснул под ручкомойником, щедро насыпал в неё заварки. Вот чего всю жизнь не понимал – это как можно пить несвежий чай. Есть такие любители – заварят с утра покрепче и весь день разбавляют кипяточком. Ещё и на завтра оставят.

Ни вкуса, ни запаха в таком чае не остаётся – только горечь.

Бросил в чай три ложки сахара, подождал, пока немного остынет и с удовольствием отхлебнул. Скрутил шомпол, разложил тряпочки, масла и достал из чехла ружьё.

Если не уверен, что оружие вычищено – возьми и вычисти. Этот неторопливый процесс всегда доставлял мне острое удовольствие. Может, потому что ружья я привык чистить с самого детства – отец разрешал ему помогать. Сколько лет прошло – а всё помню запах ружейного масла и блеск света внутри хорошо вычищенного ствола.

Воспоминания из детства – они самые дорогие.

Посмотрел стволы на свет – они были чистыми. Но я всё равно прошёлся внутри нейтральным маслом на чистой тряпочке. Просто для того, чтобы вспомнить, как это делается. Протёр тряпочкой колодку и замок цевья. Собрал ружьё. Запоры щёлкали мягко, лаская слух.

Вскинул к плечу, прицелился в стоявший на шкафу будильник. Приклад был в самый раз по длине руки.

Мелькнула мысль снарядить несколько патронов дробью – пристрелять ружьё поглубже в лесу. Сейчас не сезон, но кто мне что скажет? Я егерь, и удостоверение есть.

Но сама мысль об этом была неприятна. Делать что-то тайком, озираясь? Что я, открытия сезона не дождусь, что ли?

Разобрал ружьё, убрал его в чехол. Патроны засунул в патронташ. Снял со шкафа будильник, завёл его на пять утра.

Спать оставалось часа четыре.

Быстро выложил из рюкзака лишнее. Из еды оставил банку тушёнки и пачку пряников, которые привёз с собой из Ленинграда.

Посередине озера проходила граница моего участка с соседним. Судя по карте, кордон тамошнего егеря располагался рядом с озером. Там и база была для охотников и рыбаков.

Интересно, почему на моём участке базу не сделали? Надо будет поинтересоваться.

А завтра заверну к соседу. Попью чайку с пряниками, обсудим совместную работу. Он и места здешние знает лучше меня. Не только на схеме их видел, а ножками обошёл.

Подумав, достал из буфета три пачки «Примы» и тоже бросил в рюкзак. Если егерь курит – то сигареты будут нелишними. С кордона в магазин не находишься. А есть ли у него транспорт – неизвестно.

Я принёс настольную лампу на её законное место у кровати. Снял с матраса бельё, постелил свежее. Завалился, скрипя пружинами, и выключил лампу.

А за окном смутно белела туманная июньская ночь.

Через четыре часа меня разбудил оглушительный треск будильника. Я нашарил его, шлёпнул ладонью по кнопке и открыл глаза. Зевнул и привычно нахмурился.

Почему привычно? Да потому, что в прошлой жизни после четырёх часов сна я бы ползал, как больная ревматизмом улитка. Пока кофе не выпил – глаза не разлепить. А как выпьешь – сердце колотит так, что грудная клетка вибрирует. Вот и выбирай, что приятнее.

Но сейчас я подскочил с кровати как заяц с лёжки. Поёживаясь, прошлёпал босиком по холодному полу к умывальнику. Плеснул в него ковш холодной воды из ведра. Покосился на чайник и махнул рукой. Снова печку топить, что ли? Ни электрической, ни газовой плитки в доме не было. Интересно – есть в деревне газ, хотя бы привозной? Надо будет спросить.

Ладно, натошак веселее шагается! А чаю я и в лесу у костра напьюсь.

Сую в разные карманы рюкзака два коробка спичек. У поленницы за домом нахожу топор. Он щербатый, сточенный. Не для рубки – дрова колоть. Но на топорище сидит крепко. Обматываю его тряпками и тоже кладу в рюкзак.

Ну, вот и готов?

С рассветом туман осел на траву, и теперь она блестела крупными каплями росы.

К озеру можно было пройти напрямик – сперва совхозным лугом, потом через лес по компасу. Но я выбрал длинную дорогу – вдоль речки. Поэтому, выйдя за калитку, свернул не вправо, а влево, к мосту.

Всего половина шестого, а солнце уже всю сияло на

небе. День обещал быть жарким.

Не доходя до моста, я свернул на узкую тропинку. Она шла по берегу речки мимо домов. Заборы с этой стороны были значительно хуже, чем с улицы – из кривых жердей, с которых снята только кора.

За одним из заборов я увидел открытую низенькую дверь курятника. Заполошно квохтали куры.

Хорёк залез, что ли?

Выбежал в панике здоровенный разноцветный петух. Взмахнув крыльями, он вспорхнул на забор и подозрительно уставился на меня одним глазом.

Из курятника выглянула сморщенная старушка. Тёмный шерстяной платок наглухо укутал её голову.

Старушка махнула мне рукой.

– Помоги, внучек!

Лезть через забор я не рискнул, чтобы не повалить хлипкую конструкцию. Нашёл скособоченную калитку, висящую вместо петель на двух кусках транспортёрной ленты.

– Что случилось, бабушка?

За домом задорно зазвенела цепь. Залилась звонким лаем собака.

– Рыжуха, зараза такая! Опять под нашестом яйцо снесла! Я уж шарила-шарила – не достать! Помоги бабушке – у тебя спина молодая!

Старушка опиралась на табуретку. На фанерном сиденье перед ней стояла мятая алюминиевая миска. В миске лежало

около десятка яиц.

– Сейчас посмотрим!

Пригнувшись, я влез в вонючую темноту курятника. В дощатом сарайчике остро пахло птичьим помётом. Из широких щелей между досками лился утренний свет. Куры, увидев незнакомца, испуганно закудахтали и захлопали крыльями.

– Вон тама, в углу! Видишь?

Я вгляделся в дальний угол курятника и под насестом из жердей заметил яйцо. Лежит себе, перепачканное в помёте и наполовину зарытое в слежавшееся сено.

– Зараза такая! – выругалась старушка. – О прошлой неделе под крыльцом снеслася! Так я и не достала. Крысы сожрали.

Я присел на корточки и потянулся за яйцом. Пальцы коснулись шершавой скорлупы, и в этот момент на голову мне плюхнулось что-то тяжёлое. «Что-то» победно закукарекало и больно клюнуло в темечко сквозь верх фуражки.

– Зараза!

Я взмахнул рукой, пытаясь согнать петуха.

– Пошёл прочь, ирод! – прикрикнула на него старушка. – В суп захотел?

Услышав про суп, петух отцепился от меня и отступил во двор, угрожающе кукарекая.

Я достал яйцо, поднялся и положил его в миску. Потом отряхнул колени.

– Вот спасибо, внучек! – закивала старушка. – Может, яи-
шенки? Куды ты собрался-то в такую рань? Да ишшо с ру-
жом?

– Егерь я, бабушка. Иду браконьеров ловить.

– Кого?

– Браконьеров. Тех, кто охотится без разрешения.

– А, понятно! Чайку, может, выпьешь?

– Спасибо! Спешу я. Давайте, помогу яйца до дома доне-
сти.

Я взял у старушки миску, отнёс её к дому и поставил на
стол в сенях.

Бабушка, опираясь на табуретку медленно ковыляла за
мною. Наклонилась, голой тёмной от загара и старости рукой
выдернула с корнем колючку из капустной грядки.

– Опять гусеницы капусту пожрут, – пробормотала она се-
бе по нос. – Ты вечером заходи. Яичков дам тебе. Мне-то
одной куды столько? Дочка в городи с мужем – приедут ли
на выходных, бог весть.

– Спасибо, бабушка! Непременно зайду!

Аккуратно, чтобы не отломать, я закрыл за собой калитку.

За деревней речка Песенка успокаивалась, разливалась
шире и спокойно текла, покачивая гривы осоки и похожие
на бамбук палочки болотницы. Я подумал, что неплохо бы-
ло бы завести лодку-плоскодонку. Хотя, на одно лето это не
имело смысла.

На границе леса я спугнул пару чирков. Небольшие утки шумно взлетели с воды и понеслись по кругу, сверкая зелёными с белым «зеркальцами» на крыльях и тревожно покрякивая. Отойдя подальше от берега я постоял и подождал, пока птицы снова плюхнутся в воду. Видимо, где-то в береговой осоке у них было гнездо.

Меньше, чем за пару месяцев эти птицы преодолели расстояние от Центральной Африки до нашего болотного края. Всё только для того, чтобы вывести птенцов и осенью отправиться обратно в дельту Нила или Сенегала.

Я перепрыгнул канаву, которая отделяла поле от опушки, и углубился в лес.

Сколько себя помню, это всегда волнующий момент. В лесу и ходишь по-другому, и дышишь, и смотришь тоже не так, как обычно. Походка делается мягкой неторопливой. Глаза сразу замечают всё, что происходит вокруг. Вот белка в рыжей летней шкуре пробежала вниз головой по сосне. Испугалась, спряталась за ствол и выглядывает оттуда черными бусинами глаз.

В кустах бузины шуршит прошлогодними листьями ёж, выискивает слизней и червей в сырой лесной подстилке.

Вот пёстрый дятел цепко лазает по стволу высокой старой берёзы. Примерится, несколько раз ударит мощным клювом и слизывает длинным языком сладкий берёзовый сок.

Я прошёл вдоль речки около трёх километров, подмечая и запоминая изгибы русла, отмечая на листе бумаги перекуты

с быстрым течением и глубокие тёмные омуты. Вода в них текла неторопливо, подмывая один берег, а у другого наносила небольшие песчаные отмели.

В одном из омутов мощно плеснула щука, гоняя молодь. Сюда бы жерлицу с живцом – без ухи точно бы не остался!

Вспомнил, как пацанами бегали за щукой в болото за Шуховой башней.

Весной болото вбирало в себя талую воду, разливалось на огромной площади. В кустах ивняка, сыто крякая, кормились и гнездились сотни уток. А к середине лета болото усыхало, оставляя многочисленные лужи, в которых сновали голодные юркие щурята с ладонь длиной. Мы топтались в лужах, поднимая муть, а потом ладонями выплёскивали щурят на берег вместе с водой.

Солнце поднялось выше и жарило немилосердно. Несколько раз я останавливался, чтобы напиться речной воды. В деревне она была светлой, а здесь, в лесу потемнела. Видно, речку питали болотные стоки.

Пройдя ещё по берегу, я и впрямь миновал небольшое болотце, сплошь заросшее мелкой ольхой и осокой. Дальше местность шла на подъём, разнолесье сменилось сосновым лесом. Здесь я отвернул от реки влево и через километр вышел к старым пожням. На этих полянах посреди леса работники охотхозяйства заготавливали сено, чтобы зимой подкармливать лосей.

Трава уже поднялась по голенище сапога – вот-вот, и пора

браться за косу. Я прикинул общую площадь полян. С учётом переменной ленинградской погоды нужно несколько человек, чтобы управиться с покосом за пару солнечных дней.

Хотя, косарь из меня ещё тот. Ну, ничего! Было бы желание, а руки вспомнят!

Поговорю с председателем, выясню – кого из охотников он сможет отпустить мне в помощь. Им всё равно надо зарабатывать трудодни к осеннему сезону. От этого напрямую зависит распределение путёвок на охоту.

Вдоль пожен были свалены несколько толстых осин. Серебристая кора вся обгрызена, даже на древесине следы крупных зубов. Осины явно были срублены по осени, всю зиму возле них кормились лоси. Василий Ильич постарался!

Вдоль стволов были грубо вырублены неглубокие корытца. Я послунявил палец, провёл по светлому дереву и лизнул. Солено!

Думаю, каменную соль старый егерь брал по договорённости в совхозе. Не из Ленинграда же ему её возили. Значит, и с совхозным начальством будем заводить знакомство.

Я усмехнулся. Ох, Андрюха! Ты так вникаешь в дело, как будто надолго сюда приехал! Не успеешь оглянуться – подкатит сентябрь. Прыгнешь ты в автобус и покатишься в Ленинград, доучиваться.

И снова от острого ощущения счастья защемило сердце. Но была в этом счастье беспокойная нотка. Как будто не со-

всем своё оно, не мной заслуженное.

Обойдя пожни, я вернулся к реке. Она снова разлилась вширь между низких берегов. До озера оставалось совсем немного – метров триста, не больше. Местность здесь снова понижалась. Берег озера возле устья реки зарос березняком. Но не густым, непролазным, а прозрачным. Деревья стояли поодаль друг от друга, вцепившись корнями в топкую хлюпающую почву.

Ладно, доберусь до воды. Самая кромка берега обычно бывает посуше. Обойду озеро, поищу соседский кордон.

В животе тоскливо заурчало. Скоро полдень, а я ничего не ел со вчерашнего дня.

Интересно, а чего я занимаюсь аскетизмом? У меня же целый пакет пряников в рюкзаке есть!

Прислонив двустволку к берёзе, я сбросил с плеч мешок и достал пакет с пряниками. Съел один, чувствуя на языке приятный холодок мятной глазури.

После сладкого пряника не на шутку захотелось пить. Я достал из рюкзака котелок и, чавкая сапогами, стал пробираться к речке.

И тут со стороны озера раздался выстрел. И сразу за ним – ещё один.

Гулкое эхо раскатилось по воде, плеснуло волной в берег, отразилось от дальнего леса.

Стреляли совсем рядом.

Глава 5

Внутри неприятно сжалось. Охотничий сезон закрыт. Тогда кто мог стрелять на озере, кроме браконьеров?

Ну, что? Вот и начинается твоя работа, Андрюха!

Я вернулся обратно к берёзе. Переломил ружьё и зарядил в нижний ствол пулю, а в верхний – картечь. Забросил рюкзак за плечи и осторожно двинулся в сторону озера.

Чего греха таить, было страшно. В груди похолодело, я крепко стиснул зубы. В голове за каким-то чёртом прокручивались сцены из фильмов, где браконьеры палят по преследующим их егерям.

Инстинктивно я старался идти, как можно тише и скрываться за деревьями. Но потом сообразил, что это чистая дурь. Если подкрасться к браконьерам – от неожиданности они, и впрямь, могут выстрелить.

В этот момент я понял, что держу ружьё в руке, наготове. Ещё один лишний повод схлопотать пулю. Если не стрелять первым, конечно.

А стрелять первым я не собирался. Это надо совсем сумасшедшим быть.

Я остановился и сделал три глубоких вдоха. Повесил ружьё на плечо и, не таясь, пошёл напрямую к берегу.

За кивающими на ветру метёлками тростника на чистой воде скользила двухместная резиновая «Уфимка». На вёслах

сидела светловолосая женщина лет тридцати. Поверх тонкого белого свитера с высоким горлом она была одета в синий жилет, похожий на спасательный.

На корме лодки на коленях стоял мужчина с ружьём. Аккуратные чёрные усики забавно топорщились на его полной красной физиономии.

– Левее бери! – раздражённо командовал мужчина женщине. – Утка в тот куст ушла.

Я вышел из-за деревьев, держа на виду пустые руки.

– Добрый день, товарищи! Причаливайте к берегу и приготовьте к проверке документы! Разрешение на оружие и документы на право охоты.

Женщина испуганно взвизгнула.

Я увидел, как пальцы мужчины сжались на ложе ружья, и приготовился отпрыгнуть за ствол толстой сосны.

– А ты кто такой? – крикнул мужчина.

Потом наклонился и что-то шепнул женщине. Она, уронив вёсла, следила за мной.

– Егерь восьмого обхода Синицын, – представился я.

– Да гребни ты! – не выдержал мужчина и громко командовал женщине.

Та молча замотала головой.

– Ну, дура! Пусти!

Пересаживаясь на место гребца, мужчина обернулся ко мне.

– Сейчас, товарищ егерь! – с фальшивой улыбкой сказал

он. – Видите – перепугалась жена от неожиданности. Сейчас мы подплывём.

Оказавшись на вёслах, он неожиданно сильно погрёб к середине озера.

– Стойте! – закричал я. – Предъявите документы!

– А то что? – отозвался мужчина. – Стрелять будешь? Не имеешь права!

Стрелять я, конечно, не собирался. Тут он сообразил правильно.

Изо всех сил мужчина грёб туда, где берег озера делал крутой поворот. Там отражался в воде небольшой остров, заросший ёлками и берёзами.

В тростнике послышалась возня и кряканье. Я вгляделся и увидел крякву в коричнево-пёстром оперении. Волоча одно крыло и опустив голову, она кружила в крохотном, затянутом зелёной ряской водяном оконце.

Вот урод! Хоть бы в селезня стрелял!

Лодка почти слилась с отражением острова. Ну, не собираются же они прятаться посреди острова? Наверняка гребут к базе. Неужели егерь-сосед поощряет браконьерство?

Ничего, дальше базы не уйдут!

Я поправил на плече ружейный ремень и быстрым шагом, почти бегом, двинулся по берегу в обход озера.

Опавшая хвоя мягко пружинила под ногами. Злость гнала меня вперёд.

Я обогнул залив, который глубоко вдавался в молодой

ельник. За ёлкой мелькнул человек. Он быстро шагнул мне навстречу. За его правым плечом висело ружьё.

– Стоять! – резко выкрикнул он, кладя руку на ложу ружья. – Предъяви документы! По какому праву стрелял?

Я опешил. Но тут же полез в карман штормовки и вынул удостоверение. Мужчина подошёл, внимательно вглядываясь в книжечку.

На вид ему было лет пятьдесят. Плотный, коротко стриженный, с упрямым лбом и тяжёлым подбородком. Он напоминал отставного военного.

Мужчина переводил взгляд с фотографии на меня. Постепенно его лицо расслабилось, стало почти добродушным. Он вытащил своё удостоверение и показал мне.

– Егерь, Жмыхин Дмитрий Константинович! А ты, Андрей Иваныч, значит, вместо Василия?

Надо же, и отчество успел запомнить.

– Так зачем стрелял, Андрей Иваныч? – прищурился Жмыхин. – По воронам, или волка увидел?

– Это не я. Браконьеры на резиновой лодке уток били.

– Где?

Лицо Жмыхина вмиг закаменело.

– Возле устья Песенки. Я хотел остановить, но они сбежали.

– Куда поплыли? – живо спросил егерь.

– К острову.

– Ах, ты!

Он с досадой хлопнул ладонью по бедру.

– Там просёлочная дорога к воде подходит. Не успеем перехватить! Вокруг озера – долго. А они наверняка на машине. Ты лица-то их запомнил?

– Мужчина и женщина. Вроде, муж с женой, но точно не знаю. Мужчина плотный, с чёрными усами. Лицо красноватое. Женщина лет тридцати, волосы светлые.

Жмыхин озадаченно покачал головой.

– Такие не заезжали. Да у меня на этой неделе вообще пусто. В прошлые выходные были рыбаки. А с тех пор никого.

Расстройство Жмыхина казалось искренним. Но как-то уж он очень вовремя появился на месте происшествия. Хотя, он же егерь. Делал обход участка, что тут необычного?

Словно угадав мои сомнения, Жмыхин улыбнулся.

– А я, знаешь чего сюда зашёл? Идём, покажу!

Жмыхин повёл меня вглубь своего участка. Мы продрались сквозь густой ельник, и вышли на край пологого сухого оврага, поросшего мелким осинником.

– Смотри – поманил меня Жмыхин и осторожно выглянул из-за пушистой ёлки.

На противоположном склоне оврага, возле неприметной норы лиса кормила двоих лисят. Лисята уткнулись мордами в материнский живот. Сама лиса лежала на боку, подняв голову и поводя острыми ушами с чёрной опушкой.

Вдруг она насторожилась и издала еле слышный звук, похожий на скрип и фырканье. Лисята мгновенно юркнули в

нору под толстым, засыпанным листьями бревном.

В кустарнике на дне оврага показался лис. В зубах он держал задушенную лягушку. Поднеся добычу к норе, лис осторожно положил её на землю и попятился.

Лиса коротко фыркнула, и лис беззвучно исчез в зарослях.

Самка поднялась на ноги, обнюхала лягушку и негромко твякнула. Из норы немедленно показалась рыжая мордочка.

Я неосторожно пошевелился, и лисёнок мгновенно исчез в норе. Сама лисица, подхватив лягушку, бросилась в кусты.

– Идём!

Жмыхин потянул меня за рукав штормовки.

– Теперь не вернётся, пока не уйдём.

Мы отошли подальше от норы.

– Я бы тебя к себе пригласил, – сказал Жмыхин. – Да супруга сегодня приболела. Сам понимаешь. В другой раз заходи обязательно. Ты когда теперь у нас появишься?

– Думаю, на выходных, – откровенно ответил я.

Жмыхин покачал головой.

– Василий Ильич ко мне нечасто заходил. У нас с ним как бы негласная договорённость была – он за моими угодьями присматривает, которые поближе к шоссе. А я тут, возле озера. И ему удобнее, и мне. Чтобы лишний раз ноги не бить. А ты, как думаешь, Андрей Иваныч?

– Не знаю, – пожал я плечами. – Я человек временный. До осени только.

– Да? А что так?

– Учусь в Ленинграде. Вот на практику устроился.

– Понятно.

Мне показалось, или Жмыхин повеселел?

– Приятно было познакомиться, Андрей Иваныч! Пойду я. Как опять в моих краях появишься – заходи в гости, не стесняйся.

Меня раздражало, что Жмыхин упорно называет окрестности озера своими. Но виду я старался не подавать.

– До свидания, Дмитрий Константинович! Вот, возьмите к чаю.

Я развязал рюкзак и достал из него пакет с пряниками.

– Ленинградские, Ещё свежие.

– Спасибо, Андрей Иваныч! – обрадовался Жмыхин. – Жену угощу. А ты приходи! У меня тоже угощение найдётся!

Мы пожали друг другу руки и разошлись, каждый в свою сторону. Я направился обратно к устью Песенки, а Жмыхин – в сторону своей охотничьей базы, которая еле виднелась на другом берегу озера.

– Да, Дмитрий Константинович! – остановил я Жмыхина. – У тебя транспорт-то есть?

– А как же, – ответил егерь. – «Урал» с коляской. Бензина только маловато выдают. Но ничего, справляюсь.

– Ну, до свидания!

– Бывай!

Жмыхин, тихо похрустывая веточками, скрылся за дере-

вьями.

Я подождал минут десять. Потом развёл костёр, перекурил тушённой и, не спеша, напился чая.

Залил костёр водой, закинул ружьё за плечо. И пошёл в сторону базы Жмыхина.

Я не доверял Жмыхину. Что бы он там ни говорил, но стрельба на озере под носом у егеря требовала, как минимум, проверки.

Минут через сорок я подошёл к кордону. Не выходя из-за деревьев, стал присматриваться.

Дом самого егеря располагался чуть в стороне. В отличие от дощатого засыпного здания базы, он был срублен из хороших сосновых брёвен. Возле дома копались в пыли куры. Позади, рядом с дровяником, был пристроен просторный вольтер, в котором бегали две западно-сибирские лайки.

Возле причала, который выдавался далеко в озеро, сушились на берегу несколько перевёрнутых лодок.

Была у меня мысль подойти к базе поближе и посмотреть – нет ли гостей. Но из-за собак от неё пришлось отказаться. Они наверняка поднимут шум. И тогда придётся объясняться со Жмыхиным. А ссориться с коллегой на ровном месте мне не хотелось.

Поэтому я не стал выходить из леса. Обошёл базу по широкому кругу и вышел на ту самую просёлочную дорогу, про которую говорил егерь. Судя по карте, она шла из Светлого и утыкалась в болото за озером, где превращалась в обычную

тропинку.

От дороги в сторону базы отходил заезд. На рыхлом сухом песке я отчётливо увидел следы автомобильных шин. Они проходили поверх мотоциклетных следов.

Судя по всему, машина проезжала в обе стороны. На базе я её не видел. Значит, приехала и уехала.

Может быть, это были те самые рыбаки, а следы сохранились с воскресенья? Интересно, а был в этом мире дождь в воскресенье, или в понедельник? Я сделал в памяти заметку, что неплохо бы об этом узнать.

Домой я вернулся поздно. Деревня уже спала. Небо на севере потемнело. Зато скопившиеся на западе облака горели нежно-розовым светом.

Я толкнул калитку, мечтая только о том, чтобы опустить ноги в таз с холодной водой и что-нибудь съесть. Вчерашняя картошка с сардинами подходила идеально. Я бы её даже жарить не стал.

Двор был чисто выкошен. Бурьян и лопухи лежали ровными рядами. Остро пахло скошенной травой.

На завалинке, зажав между колен косу, сидел председатель сельсовета Фёдор Игнатьич.

– Поздновато бродишь, Андрей Иванович, – сказал он. – Я тут у тебя похозяйничал немного. Ты не против?

– Спасибо, Фёдор Игнатьич!

– На вот, похлебай!

Он показал на кастрюлю, которая стояла рядом с ним.

– Да завтра кастрюлю вернуть не забудь. А миску сейчас заберу. Супруга спрашивала.

В кастрюле плескался наваристый борщ. Тёмно-красный, с жёлтыми кружками застывшего жира.

Придётся топить печку!

Я сглотнул и повторил:

– Спасибо, Фёдор Игнатьич!

– На здоровье, Андрей Иваныч! В дом пригласишь?

Мы прошли в дом. Фёдор Игнатьич тяжело опустился на табурет.

– Устал за день, – пожаловался он, наблюдая, как я растапливаю печь. – Попросить тебя хочу, Андрей Иваныч.

– О чём, Фёдор Игнатьич?

– Как тебе сказать... Василий Ильич – он наш был егерь, местный. К нашим охотникам относился с пониманием. Ты не подумай – браконьерство не поощрял! Но, сам понимаешь – всякое бывает. Я за всеми углядеть не могу. Ты если из наших кого поймаешь – можешь сначала меня оповестить? А уж потом своё начальство? Может, мы между собой это порешаем. Ты не думай – покрывать я никого не собираюсь. Но и сор из избы выносить неохота без нужды.

Я поставил кастрюлю с борщом на плиту и сел напротив председателя.

– Давайте договоримся так, Фёдор Игнатьич. На днях со-

берём всех охотников, и я с ними поговорю. Обсудим трудодни. Сено нужно косить, солонцы подновить. Веников заготовить. Думаю, там всё и решим.

– Хорошее дело, – отозвался Фёдор Игнатьич. – Давай тогда я завтра после обеда всех и соберу в правлении. И сам приду.

– А вы тоже охотник, Фёдор Игнатьич?

– Да когда мне! – улыбнулся председатель.

– А давайте борщ пополам? – предложил я. – А то мне одному много. Заодно и кастрюлю сразу заберёте.

Я разлил борщ по тарелкам.

– Извините, хлеба нет.

– Ничего. Мы и без хлеба навернём!

Борщ был такой – язык проглотишь! С курятиной, с жаркой из лука и морковки, с кусочками свиного сала.

Против воли я хлебал торопливо, обжигаясь. Фёдор Игнатьич ел, не торопясь, аккуратно дул на каждую ложку.

Я наклонил тарелку и аккуратно вылил в ложку последние капли борща.

– Тогда завтра после обеда я у вас в правлении, Фёдор Игнатьич!

Но на следующий день случилась неприятная история.

Глава 6

Наутро я проснулся поздно – будильник показывал восьмой час утра. Забыл завести с вечера!

Сегодня я собирался пройти вверх по течению Песенки к шоссе на Ленинград, где заканчивался мой участок. Но туда только в одну сторону километров восемь, да столько же – обратно. До обеда теперь никак не успею.

Придётся сегодня заняться хозяйственными делами. Ничего не поделаешь, в воскресенье поработаю.

Я вышел на крыльцо и словно окунулся в волны жара и духоты. В разогретом воздухе не было ни малейшего ветерка. Листья на яблоне бессильно обвисли. Даже безоблачное небо словно посерело.

Похоже, к вечеру соберётся дождь. И не просто дождь, а проливной, настоящий. С залпами воды, с дробным грохотом капель о железную крышу.

Трава, которую вчера скошил Фёдор Игнатьич, за ночь подсохла и пожелтела. От неё остро пахло свежим сеном. Опасаясь дождя, я решил сгрести траву в кучу. Могу я один день посвятить собственному хозяйству?

В сарае возле дома нашёл лёгкие деревянные грабли. Один зуб вывалился, но я выстругал ему замену из сухого берёзового сучка.

Куча получилась размером с небольшой стог – чуть ли не

выше моего роста. Полюбовавшись на неё, я расхрабрился и пошёл в сарай за косой – надо же вторую половину участка докосить. А то двор, как голова у панка – здесь густо, здесь пусто.

Опыта у меня не было никакого. В прошлой жизни всего один раз ездил с отцом на сенокос. Моё участие кончилось глубоко порезанным пальцем, который мужики, за неимением йода, присыпали пеплом от «Беломора». Щипало сильно, но кровь остановилась. И зажил палец на удивление быстро.

Коса была туповатой и то и дело норовила воткнуться носком в землю. Но я прошёлся по лезвию оселком, приноровился, и дело постепенно пошло на лад. Вот и хорошо! Не так стыдно будет перед деревенскими охотниками на покосе.

Работа заняла у меня часа два. Плечи с непривычки ныли, зато на участок теперь было любо-дорого взглянуть. Исчезло впечатление заброшенности, стало понятно, что здесь живут. Даже дом словно приосанился и казался выше, чем раньше.

Оставив траву подсыхать, я прихватил пустой рюкзак и отправился в магазин. И так второй день, считай, за соседский счёт питаюсь. Стыдоба!

Деньги у меня были, и немаленькие. Двадцать пять рублей одной бумажкой, две красненькие десятки, трёшка, и шестьдесят три копейки мелочью. Для студента в деревне – целое состояние! Лежало это сокровище внутри рюкзака, в специально пришитом потайном кармашке.

Интересно, это я такую стипендию получил, или...

Смутные воспоминания зашевелились в мозгу. Ничего конкретного. Чьи-то лица, голоса. Здание вокзала, словно чёрно-белый фотографический снимок. Я обнимаю какую-то женщину возле входа в вагон электрички.

Чёрт! Я ведь так и не заглянул в паспорт, на страничку прописки!

Я чуть было не повернул обратно к дому, но вовремя спохватился. Паспорт никуда не убежит. Вечером посмотрю.

В просторном кирпичном здании магазина было прохладно. Под потолком гудели синеватые лампы дневного света с решётками, похожими на рыбы скелеты. Лампы были усеяны крохотными коричневыми точками мушиных следов.

У полупустого прилавка худенькая продавщица в белом халате увлечённо читала какую-то книгу, обёрнутую плотной бумагой. Увидев меня, она быстро спрятала книгу под прилавок и улыбнулась.

– Здравствуйте!

Она была на год или два старше меня. Симпатичная. Только лицо усталое.

– Здравствуйте!

Я окинул взглядом полки. Да, негусто. Банки рыбных консервов, сложенные в традиционные пирамиды. Сероватые макароны-«рожки» в шуршащих пакетах. Карамель «Барбарис». Водка. Плавленые сырки «Орбита».

В деревянном ящике на прилавке лежали четыре кисти

мятого зелёного винограда.

Овощей в магазине не было вовсе. Молока, кефира и сметаны – тоже. Это понятно – в деревне овощи у всех свои. Да и коровы в деревне имеются.

Но как быть мне?

Хотя... Пожалуй, я знаю, с кем можно посоветоваться.

– Скажите, пожалуйста – хлеб есть?

– Хлеб привезут в четыре.

Продавщица тряхнула рыжими, подкрашенными хной волосами.

– Но очередь надо занимать заранее.

Час от часу не легче. Пожалуй, придётся выкроить день и съездить за самым необходимым в районный центр.

При мысли о районном центре в голове снова промелькнули неясные образы. Асфальтированная улица между трёхэтажными домами. Растрескавшийся тротуар усыпан тополиным пухом. Машины проезжают настолько редко, что на проезжей части вполне можно играть в футбол. Но мы с ребятами предпочитаем асфальтированную спортивную площадку возле здания профтехучилища.

На плоскую крышу училища можно легко залезть по приставной лестнице. А потом лежать на горячем гудроне и смотреть в небо.

Образы проносились стремительно, и таяли без следа.

Чёрт!

– С вами всё в порядке? – спросила продавщица.

– Да, – кивнул я, возвращаясь в реальность. – А мяса нет?

Или колбасы?

Её тоненькие выщипанные брови удивлённо поднялись.

– Мяса?

Бледные губы дрогнули в улыбке.

– Вы же егерь, да?

– Да, – не понимая, ответил я.

Продавщица снова улыбнулась, потом её лицо стало серьёзным.

– Мяса у нас не бывает. Что-нибудь ещё?

В конце концов, я взял пять банок рыбных консервов, килограмм сахарного песка, два килограмма макарон и триста граммов карамели.

Продавщица пощёлкала костяшками счётов и назвала сумму. Я вытащил из кармана одну десятку и протянул ей.

– Водки не надо? – спросила женщина.

– Нет, спасибо.

– Ладно, – внезапно решившись, сказала она. – Я вам две буханки хлеба оставлю. Только зайдите попозже, перед закрытием. И рюкзак возьмите, чтобы никто не увидел.

– Спасибо, – удивленно протянул я. – А не подскажете – у кого можно овощей купить? Картошки там, огурцов, помидоров?

Продавщица бросила быстрый взгляд на дверь, словно опасалась, что кто-то может подслушивать. Поколебалась одно мгновение.

– Вы вечером подходите, к закрытию. Что-нибудь приду-
маем.

На улице затарахтел и смолк автомобильный двигатель. Железная дверь магазина скрипнула, на мгновение впус-
тив солнечный свет с улицы. В магазин вошёл Володя – водитель
совхозного «ЗИЛа».

Вид его вызывал сочувствие. Помятое лицо, покраснев-
шие глаза и запах перегара, зажёванного лавровым листом.

Увидев меня, он остановился в нерешительности.

– Андрюха! Здорово! Ну, ты как? Устроился уже?

– Ага, – ответил я.

Володя повернулся к продавщице.

– Лида, мне это... – он снова оглянулся на меня, – пачку
«Примы».

Чтобы не мешать ему, я попрощался и вышел на улицу.
Ну, и жара, всё-таки! После прохладного магазина, словно в
баню зашёл.

Володин «ЗИЛ» стоял, чуть не прислонившись бортом к
высокой ёлке, которая росла прямо у дороги. Водительская
дверца беспечно распахнута.

Через две минуты из магазина вышел Володя. Он что-то
бережно придерживал под спецовкой. Володя махнул мне
рукой, запрыгнул в кабину. «ЗИЛ» загрохотал и укатил в на-
правлении мастерских.

А я отправился в медпункт. Но перед этим вытащил из

рюкзак кулёк с конфетами и переложил в карман.

Не успел я подойти к зданию, как дверь распахнулась. Оттуда буквально вылетел тот самый тракторист, что приходил ко мне позавчера. Правая щека у него была куда краснее левой. Голубую майку в пятнах мазута он так и не сменил.

– И больше не приходи, Колька! Иначе Фёдору Игнатьевичу скажу! – прокричала из медпункта Катя.

– Тебе чего? – рявкнул тракторист, увидев меня.

– Повязку сменить, – дружелюбно ответил я.

– Щас сменишь! – прошипел он и сжал кулаки.

Я не стал ждать. Руки сработали сами.

Левой от пояса в подбородок. Правой – в нос. Носком сапога по голени.

–!

Колька присел, одной рукой хватаясь за голень, другой зажимая нос. Между пальцами сочилась кровь.

Я шевельнул плечами, скидывая рюкзак в траву. Ну, давай!

Внутри бушевал адреналин.

Колька попытался ударить снизу, выпрямляясь. Но я ждал этого. Перехватил его руку и сам врезал правой в скулу. Удар пришёлся чуть сверху. Колька уселся на траву, нелепо мотнул головой.

– Вы что делаете?! Колька! А ну пошёл прочь!

Катя выскочила на крыльцо. Светлые волосы девушки растрепались, глаза сверкали, щёки горели.

– Я участкового позову!

Я сделал шаг назад.

Колька поднялся, размазывая по лицу кровь из разбитого носа.

– Ну, сука!

Он повернулся и быстро пошёл по улице прочь, заметно прихрамывая.

Я дёрнулся за ним, но Катя схватила меня за руку.

– Андрей! Не надо!

Я ждал, что тракторист остановится и что-нибудь выкрикнет. Но он молча скрылся за поворотом.

Это плохо, подумал я. Лучше бы он отвёл душу.

Катя по-прежнему держала меня за руку. Я чувствовал, как она дрожит. Да меня и самого порядком потряхивало. Не так часто мне приходилось драться.

Или часто? Как-то уж очень ловко у меня получилось. Ни один удар не прошёл мимо.

Похоже, Андрей чем-то занимался. Бокс? Самбо? Чем ещё можно заниматься в Советском Союзе?

Катя отпустила мою руку и судорожно вздохнула.

– Андрей, вы ко мне? – спросила она.

– Да, – кивнул я.

– Что-то случилось? Голова болит? Кружится?

– Да нет. Зашёл поменять повязку.

– Проходите. И... извините за то, что случилось.

– Мне кажется, виноваты не вы, Катя, – мягко сказал я. –

И что, кстати, случилось?

– Да Колька всё!

Она по-детски шмыгнула носом.

– Проходу не даёт. Говорит, влюбился!

– А вы? – спросил я, разуваясь у входа в медпункт.

– Да врёт он всё! Когда влюбляются – так себя не ведут!

Она снова покраснела.

Мы вошли в кабинет. Катя подняла с пола резинку для волос и быстро собрала волосы в хвост. Это сделало её чуть старше.

Я вспомнил выражение Колькиного лица, когда он выско-
чил из медпункта. Злоба и уязвлённое самолюбие. Пожалуй,
Катя права.

– Садитесь на табурет, Андрей! – сказала Катя.

Я сел.

Катя разрезала ножницами узел и начала осторожно раз-
матывать бинт на моей голове.

– Сейчас будет больно, – сказала она и рывком сдёрнула
марлевый тампон.

Висок обожгла боль.

– Ну, всё хорошо, – кивнула Катя. – Ссадина подживает.
А вы, Андрей, похожи на заправского хулигана.

– Почему? – удивился я.

– Так ссадина же, – улыбнулась Катя. – И потом вы так
ловко врезали Кольке. А сначала я за вас испугалась.

– А за него?

Катя дёрнула плечом.

– Так ему и надо! Я ещё участковому скажу.

– Это правильно, – согласился я. – И лучше не затягивать.

Катя приложила к ссадине свежий тампон и стала бинтовать.

– Может, не надо? – спросил я. – Так заживёт?

– На рану могут попасть микробы. А ещё ходить с разбитым лбом – некрасиво! Повязка намного аккуратнее.

Я вытащил из кармана кулёк с конфетами.

– Это вам, Катя! Спасибо!

– Тогда я сейчас поставлю чайник! – обрадовалась Катя. – Вы не спешите, Андрей?

Может быть, она просто побаивалась, что вернётся Колька. А может, и правда, хотела выпить со мной чая.

Я не стал долго над этим раздумывать. Просто взглянул на часы.

– После обеда мне надо быть на собрании охотников. Но, думаю, на чай время есть.

Мы пили горячий чай, который немного пах веником, и хрустели кислыми конфетами «Барбарис». И я решил, что сегодня же зайду к Павлу и расскажу ему про Кольку.

Вдвоём с участковым мы мигом его угомоним.

Собрание прошло в горячей, но дружественной обстановке. В тесный зал красного уголка сельсовета набилось больше двух десятков охотников. Большинство не выпускало изо

рта папиросы и сигареты. Дым стоял такой, что у меня спёрло в груди, и заслезились глаза.

Народ шумел, обсуждая рабочие дела. И поначалу на нас с Фёдором Игнатьевичем почти не обратили внимания. Но председатель мигом навёл порядок.

За три часа мы обсудили почти все вопросы. Решили, что в субботу, если позволит погода, выкосим все лесные пожни. А на следующей неделе займёмся подготовкой солонцов и подкормочных площадок для кабанов.

Фёдор Игнатьевич обещал помочь договориться с руководством совхоза о закупках мелкого картофеля. Да и отходы из совхозной столовой могли пойти в дело. В совхозе же можно было взять машину, чтобы развезить подкормку по площадкам.

На вечер воскресенья назначили подомовой обход охотников для проверки ружей и документов. Я попросил всех, по возможности, быть дома. Предупредил, что те, кто не пройдёт проверку до начала осеннего сезона, не получают путёвки.

Много споров вызвало распределение лицензий на отстрел кабана и лося.

– Каждый год работаем! – выкрикнул с места сухопарый, невысокого роста охотник. – А потом городские приезжают и кабана бьют! А нам что?

Успокоились только тогда, когда я пообещал в ближайшее время дозвониться в ЛОООиР и точно выяснить, сколь-

ко лицензий полагается охотникам Черёмуховки.

– Но, товарищи! Лицензии получают только те охотники, кто будет активно участвовать в подготовке хозяйства к зиме!

– Само собой! – загалдели охотники. – У нас лентяев нет!

Я твёрдо назначил себе завтра же сесть на телефон и дозвониться в Ленинград. Заодно надо попросить список ленинградцев, которые надумают приехать к нам осенью поохотиться. И, если получится, привлечь их к летним работам.

Улучив момент, когда все вышли на перекур, я заглянул к участковому и рассказал ему о происшествии в медпункте.

– Колька Симонов? – нахмурился Павел. – Спасибо за сигнал, Андрюха! Разберусь.

Он внимательно посмотрел на меня.

– А ты там каким боком? Только честно!

Я пожал плечами.

– Никаким.

Немного подумал и спросил:

– А какая разница? Дело-то не во мне, а в Кате. Ей спокойно жить не дают.

Павел кивнул, признавая мою правоту.

– Покажи-ка руки! – неожиданно сказал он.

Я протянул ему ладони. Он глянул на мои сбитые костяшки.

– Хорошо ты его приложил. А ведь Колька – парень креп-

кий. Ты занимался чем?

– Да нет.

Я помотал головой.

– Во дворе приходилось за себя постоять.

– Понятно. В армии кем служил?

От внезапного вопроса у меня перехватило дыхание.

– Водителем на тягаче, – неожиданно для себя ответил я. –

Танки возили.

– Во как! – удивился Павел. – Значит, за баранкой сидел?

– Ну, да.

В дверь заглянул председатель.

– Андрей Иваныч! Тебя к телефону! Из Ленинграда звонят.

Я торопливо прошёл в кабинет председателя и взял трубку.

– Алло?

– Синицын?

Голос звучал, как будто издалека.

– Да. Кто это?

– Тимофеев из отдела охоты! Ждите завтра гостей, товарищ Синицын! Приедем к вам поохотиться на кабана. Заодно посмотрим, как вы устроились. Подъедем вечером, часов в семь.

– Товарищ Тимофеев, но я только позавчера приступил к работе!

– Ничего, товарищ Синицын! Я ваш участок знаю. Да и

товарищи не в первый раз к вам едут. До завтра! Всё, отбой.

В трубке слышались короткие гудки. Я повесил её на рычаги и вернулся к охотникам.

– Товарищи! В субботу на сенокосе вам придётся обойтись без меня. Но уверен, что вы и сами справитесь. Ко мне завтра вечером приезжает руководство из Ленинграда. Завтра поговорю с ними на счёт лицензий.

– Ну, всё! Топи баню, егерь! – раздался чей-то насмешливый голос. – Да беги в магазин за водкой!

– Опять всех ворон в деревне распугают, – пошутил другой.

– Вы сено не упустите, – сказал я. – А с баней я разберусь.

– С лицензиями реши, Андрей Иванович – и хорошо будет, – примирительно сказал пожилой охотник. – Мяса всем хочется.

Глава 7

– Фёдор Игнатьевич, у прежнего егеря были собаки? – спросил я председателя сельсовета.

Фёдор Игнатьевич докурил «Беломорину», аккуратно затушил её о подошву сапога.

– Тут такое дело, Андрей Иваныч. Как Ильич помер – наши мужики собак разобрали. У него хорошие псы были. Две лайки и гончая. Ну, ты же понимаешь, что без хозяина-то они бы не выжили.

– Да я понимаю, Фёдор Игнатьевич. Я почему спрашиваю – завтра начальство на охоту приедет. Если придётся подранка добирать – то собаки нужны. Не подскажите, к кому обратиться?

– Так, может, начальство со своими собачками приедет, – резонно возразил председатель.

– А если нет?

– Тогда вот с Валерой Михайловым поговори.

Фёдор Ильич показал на высокого широкоплечего охотника лет тридцати с небольшим. Его чёрные прямые волосы были закинута на пробор. На твёрдом подбородке пробивалась щетина – почему-то рыжая.

– Валерий Владиславович! Можно тебя на минутку? – позвал председатель охотника.

Я объяснил ему, в чём проблема.

– Надо будет – поможем, – коротко ответил охотник. – Собаки у меня хорошие, по зверю притравлены.

Держался он свободно и говорил твёрдо, спокойно.

Я не стал уточнять, когда и как он притравливал собак. Решил сначала приглядеться к мужику.

В глубине души я понимал, что браконьерство бывает разное. Одно дело – убить утку с утятами, или беременную лосиху. Или перегородить водоём сетями, в которых гибнет рыба, и хапать от жадности, как не в себя.

И другое дело – пойти в лес в сезон и добыть мяса на еду. В том числе, и потому, что в магазине его нет.

Но делиться этим пониманием с охотниками я не спешил. Иначе не успеешь оглянуться – сядут на шею и будут давить на жалость и понимание.

– Спасибо! – сказал я и пожал руку Валерию. – Где вас искать, если что?

Он объяснил, как проехать к его дому.

Вечером разразилась гроза. На улице потемнело, порывы холодного ветра понесли по улице листья и птичьи перья. Небо затянули обложные тучи. На северо-западе сверкали молнии, и лениво ворчал гром.

Первые крупные капли упали на сухой песок, оставляя в нём маленькие круглые кратеры-воронки. Затем дождь усилился. Слепительная молния располосовала небо до самой земли. Гром ударил так, что заложило уши. И с небес полил

ливень.

Я растопил печь и поставил вариться картошку в большой алюминиевой кастрюле. Сел поближе к окну и, не зажигая света, принялся крошить на старой изрезанной доске редис и зелёный лук для салата.

Пригоршни дождевых капель, словно заряды крупной дробы, разбивались о стекло и стекали по нему струйками.

Острый луковый запах заставлял ноздри расширяться от предвкушения. Бело-розовые ломтики редиса сыпались в миску, а в холодильнике дожидалась своей очереди пол-литровая банка густой домашней сметаны.

Всем этим богатством я был обязан Лиде – продавщице из магазина. Когда я, как мы и договаривались, подошёл к самому закрытию, она заперла дверь изнутри на длинный железный крюк. Выставила на прилавок сетку крупной прошлогодней картошки, ведёрко крупной продолговатой редиски, огромный пучок зелёного лука и банку сметаны. Рядом положила вязанку репчатого лука и две буханки хлеба.

– Убирай в рюкзак, – тихо сказала она, не глядя на меня.

Я развязал тесёмки. Высыпал в рюкзак овощи. Лук и хлеб положил сверху.

– Сколько с меня?

Вышло шесть рублей с мелочью.

– Откуда всё это? – спросил я.

Лида пожала худенькими плечами.

– Люди принесли. Наши пьяницы за бутылку чего только

не принесут. Только не говори никому. Меня бабы и так поедом едят, что мужикам водку продаю. Будто они без меня не найдут, где взять.

– Спасибо! – сказал я.

– Если ещё что будет нужно – говори, – предложила Лида. – Бутылку-то возьмёшь под такую закуску?

– Нет, – отказался я. – Завтра с утра в лес, потом начальство приедет.

– Хороший ты парень, егерь, – вздохнула Лида. – Повезёт какой-то девке. Ну, иди, пока никто не припёрся.

Я откинул крючок и вышел из магазина.

Когда картошка доварилась, я залил её холодной водой и стал, обжигаясь, счищать кожуру.

Мне нужно было хорошо подумать.

Что за люди завтра ко мне приедут?

Судя по интонациям Тимофеева, он меня знал. Может быть, именно он принимал меня на работу. То есть, не меня, а Андрея Сеницына. В общем, понятно.

Скорее всего, мы с Тимофеевым едва знакомы. Возможно, в Ленинграде он взглянул на моё направление, обрадовался, что может закрыть место в штатном расписании и принял на работу. Максимум – минут пять побеседовал со мной лично.

А теперь использовал возможность познакомиться поближе. Возможно, моё дальнейшее пребывание в качестве егеря

будет зависеть от того, как сложится завтрашняя охота.

С другой стороны – должен же Тимофеев понимать, что я только-только приехал на место.

Меня беспокоило другое.

Я не мог решить, как завтра вести себя с приезжими.

Воображение так и рисовало заплывших жиром, холёных партработников, которые едут поразвлечься стрельбой по зверю и пьянкой. И в советское время были начальники, для которых егерь – просто обслуживающий персонал. Они не стеснялись смотреть свысока и через губу цедить распоряжения.

В прошлой жизни я такое обращение не терпел. И в нынешней не собирался.

Потому и просидел до пенсии в водителях, хотя были возможности устроиться начальником маршрута или наставником. Но тогда пришлось бы отдуваться за чужие грехи на планёрках и периодически целовать руководство троллейбусного парка пониже спины.

Нет, уж! Лучше прожить честным работягой.

Но что делать завтра?

С одной стороны, как егерь, я был обязан организовать охоту. Но только охоту. Базы у меня не было, а принимать, или не принимать посторонних людей в своём доме – решать исключительно мне.

С другой стороны – надо же им где-то ночевать. Будет странно, если я сам улягусь в доме, а гостей оставлю в па-

латке на улице.

Если бы это ехали просто охотники – я спокойно предложил бы им разместиться у меня. Но начальство...

Я сжал кулаки и решил, что охоту я им точно организую, но на побегушках не буду. И в гости приглашу, смотря по поведению. Пусть товарищ Тимофеев злится, сколько хочет.

На душе сразу стало легче. И дождь за окном заметно поутих. Он уже не барабанил по крыше, а накрапывал, еле слышно шурша. Я открыл форточку, и в душную кухню ворвалась струя свежего сырого воздуха.

Я поужинал горячей картошкой с салатом. Печка ещё не прогорела, так что я взял с полки книгу Шефнера, раскрыл её наугад и прилёг на кровать под лампой.

«...Какие дьяволы и боги
К нам ринутся из темноты
Там, где кончаются дороги
И обрываются мосты?»

К утру дождь перестал, но тучи не расползлись и всё так же закрывали небо.

Я вышел из дома затемно, поёживаясь от сырого ветра. Миновал спящую деревню и по дороге мимо картофельных полей отправился к дальнему лесу. Там, по словам Фёдора Игнатьевича, несколько гектаров были засеяны овсом, кото-

рый очень любят кабаны.

Сырой песок мерно поскрипывал под сапогами. В канавах журчала вода, скопившаяся после ночного ливня. Все следы на дороге были размыты – видимо, машин со вчерашнего вечера не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.